

ШАЛВА АМОНАШВИЛИ

ПРОВОДЫ В ВЕЧНОСТЬ

МОСКВА

2015

Дорогие коллеги!

Книгу эту я писал как бы для себя, для успокоения своих чувств и мыслей. Но близкие уговорили напечатать ее для узкого круга друзей и знакомых. А теперь многие просят, чтобы она была издана тиражом. Я решил вначале разместить ее на моих «Строматах», пусть прочтет каждый, кто хочет. Я делаю это еще и потому, что 17 апреля 2015 года Валерии Гивиевне исполнилось бы 80 лет.

Ш.Амонашвили

**«Без тебя прожить мне жизнь,
горе мне, как трудно...»**

Руставели

Мы с Валерией всё лето спали на открытой веранде второго этажа нашего Бушетинского дома. Она у нас достаточно большая. С трёх сторон закрыта виноградной лозой, на которой спокойно зреют гроздья. Обычно мы возвращаемся, когда виноград цветёт, и от него на веранде стоит чарующий запах. А потом всё лето наблюдаем, как растут гроздья, как меняют цвет, и успеваем вкушать их сладость.

На потолке нашей веранды, почти над нашей кроватью и над нашей головой, с удивительным инженерным чутьём ласточки построили своё гнёздышко, но это было несколько лет тому назад. С тех пор они возвращаются к родному дому, сначала обновляют его, потом кладут яички и выводят птенцов. За лето они успевают вывести два поколения птенцов, обычно 6-8 красавчиков. Гнездо пристроено к деревянной балке и похоже на чудный балкончик. Мы живём с ласточками дружно: мы их не пугаем, и они нас не боятся, потому свободно чирикают и ничего от нас не скрывают. Мы с Валерией любим в любое свободное время ложиться на кровать и долго наблюдать, какая кипит жизнь вокруг и внутри гнезда. И созерцая эту жизнь, мы размышляем, философствуем и мудреем.

Веранда для Валерии ещё и рабочий кабинет. В самом уютном и располагающем к прекрасному месте стоит стол, на нём компьютер, книги, бумаги. Валерия на компьютере тексты набирает быстро. Она пишет свою новую книгу. Ласточки ей не мешают, несмотря на то, что сидят на проводе в тени виноградных листьев прямо перед её носом и оживлённо чирикают.

На бумагах, разложенных на столе, лежат камни, чтобы ветер не унёс и не разбросал их. Камни я собираю в нашем ущелье, оно рядом. Там можно найти много удивительных камней необычной формы, с загадочными узорами и оттенками.

В этом 2012 году мы приехали в Бушети в начале июня. Здесь наша усадьба. Цвели розы, их у нас во дворе почти 500 кустов. Цвели виноградная плантация и виноград на веранде. Плодовые деревья – яблони, груши, сливы, вишни, черешни, инжир, абрикосы, персики, ореховые деревья подавали знаки необычайно щедрого урожая.

В нашем дворе появились чудные птицы и даже соловьи. Ранним утром и вечером мы наслаждались их трелями, перекличками, хоровым пением.

Солнце грело и лазурная вода в бассейне ждала нас.

Вокруг царило спокойствие, наполненное пением птиц, стоял нежный запах, достойный стать ароматом для самых изысканных духов.

Босые ноги утопали в мягких коврах только что подстриженной травы.

Кавказские горы со своими гигантскими облаками, а купол неба с новорожденными белоснежными стадами баранов посылали нам вдохновение и надежду.

Преданная любовь близких освободила нас от любых посторонних и мелких забот, и мы погрузились в стихию нашего педагогического творчества: Валерии нужно было дописать вторую книгу из задуманной трилогии по развитию речи, а я собирался написать книгу, которую назвал так: «Учитель».

Дни шли мирно.

Время от времени шёл дождь. Крестьяне радовались: это благо для урожая, говорили они.

Иногда нас навещали родные и близкие, и мы рады были видеть их.

Вишни, черешни, абрикосы, сливы уже протягивали нагруженные плодами ветви. Вкусили ранние плоды инжира.

Наше творчество продвигалось с успехом.

Так наступило 19 июля.

День был солнечным и жарким. Мы, как обычно, много потрудились, а вечером легли спать пораньше, ибо вставали рано утром: я встречал восход солнца, а Валерия прислушивалась к пению соловья и наблюдала за утренними занятиями ласточек.

Ничего не предвещало беду.

Но в Кахетии так бывает: погода меняется неожиданно и резко.

К трём часам ночи нас разбудил сильный ветер, который срывал с нас одеяла. Молнии рассекали небо, и страшный гром оглушал слух.

Мы сперва попытались укутаться в одеяла, но не тут-то было: через минуту ураганный ветер забросал в постель крупные шероховатые шарики града.

Мы спохватились и быстро укрылись внутри дома.

Еле успели закрыть в комнатах окна. Еле потому, что ещё чуть-чуть, и мы не смогли бы пересилить ветер. Потом долго чистили при свечах комнаты, подоконники и коридор от влетевшего через окна града.

Град и ураган буйствовали минут сорок. Что происходило во дворе, мы не могли видеть, вокруг была тьма, но открывавшиеся на мгновение при свете молний картины пугали нас.

Потом ветер стих также внезапно, как и возник. Град прекратился. Но грянула и со скоростью звука с гор в ущелье понеслась лавина.

Рассвело.

Мы уже знали, что произошла беда.

Но то, что увидели наши глаза, была душераздирающая трагедия: на виноградниках, на деревьях не было ни одного листика, листья лежали под 15-20-сантиметровым слоем града. Там же были похоронены гроздья виноградных лоз, не успевшие созреть яблоки, груши, сливы, инжир. На деревьях была сорвана кора, некоторые из них были вырваны с корнями, переломаны.

Под ореховыми и другими деревьями валялись тельца того великолепного сообщества птиц, которые так украшали нашу жизнь и наполняли пространство гимном Создателю. Их пение прекратилось.

Погибли и наши ласточки со своими только что – накануне – взлетевшими к небу птенцами.

Но утро наступило ясное, солнечное, невинное, как ни в чём не бывало.

Уныние, грусть, боль...

Мы плакали.

Плакали не только о том, что случилось в нашем цветущем дворе, но из-за горя тысяч семей, которые разом потеряли надежду на богатый урожай.

Такого беспощадного града пожилые крестьяне припомнить не могли. В середине июля в нашем дворе и во всей Кахетии стояла зима. В тот же день 20 июля Кахетия была объявлена зоной бедствия...

Спустя неделю к нам в гости приехали наши друзья: Марина Игоревна и Марина Николаевна из Москвы и Дайнис с сыном Кришианом из Риги. Каждый год они приезжают отдохнуть и пообщаться с нами. Увидев, во что превратился наш рай, они принялись за наведение порядка в усадьбе: расчищать двор от гниющих листьев и плодов, удалять поражённые ветки кустов роз, восстанавливать беседки. Свое пребывание в Бушети они полностью посвятили восстановлению усадьбы путем невероятного труда.

Спустя несколько недель, когда Валерия почувствовала, что с ней что-то происходит, она говорила: «Это началось после 19 июля... Гибель красоты вокруг навевала на меня грусть и боль. То, что произошло тогда, есть причина моей болезни...».

Конечно, причина была совсем в другом (тогда мы ещё об этом не знали), но я не исключаю, что грусть о погубленной красоте тоже сыграла свою роль в усугублении её состояния.

* * *

Наша башня, которую мы построили два года тому назад, стала украшением усадьбы. Тамусики, четырёхлетняя правнучка наша, назвала её Башней дедушки Шалико. Это название так и осталось за ней.

Я каждое утро выхожу на веранду третьего этажа башни и жду восхода Солнца. Башню подарила мне Пика.

У тебя много имён. Валерией назвали тебя родители (как я знаю, это имя выбрала для тебя мама). Первые месяцы нашей жизни я тоже звал тебя Валерией, но потом обнаружил, что ты для меня Фея (по-грузински Перия). Потом постепенно я обласкал это имя и получилось у меня Пика. Дочка наша Нина тоже зовёт тебя Пикой, но она придумала тебе и новое имя, сравнивая твои междометия с мурлыканьем кошки, это Мурмур. Пикой зовут тебя невестка Тамрико, внук Мика, правнучка Тамусики. Так зовут тебя Тина и Гиви. Паата зовёт тебя Валерией, а Сандрик, внук наш, выбрал тебе новое имя: Цаца. Почему такое имя, не знаю.

Я повёл тебя в церковь креститься. Священник окрестил тебя Лелой. Но этим именем никто тебя не зовёт, хотя иногда кому-то объяснем, что крещёное имя твоё Лела.

Итак, твоими именами являются: Валерия (Лера), Лела, Пика (Перия), Мурмур, Цаца. Но я остался верен двум именам: Валерия и Пика.

Но вот возник вопрос по поводу книг: у нас была большая библиотека, и мы не знали, куда ее разместить. Из тбилисской квартиры мы перевезли около двух тысяч томов. Они долго лежали в коробках. Паата советовал создать электронную библиотеку, обещал перевести все книги на электронные носители, а сами книги отдать в дар общественным библиотекам. Я был не против, но Пика не захотела расставаться с ними. Она была привязана ко многим из них, как к родным существам, друзьям детства, помощникам в своей творческой деятельности. Избавиться от книг граничило для неё с предательством. Кроме того, она надеялась, она мечтала, что настанет время, когда сможет отложить все дела, уединиться в тихом месте и почитать книги, которым она обещала, что вернётся к ним. Она воображала эту действительность как один из самых красивых периодов своей жизни.

Но где разместить книги и где посидеть? Нужна библиотека. Три года она искала варианты: разместить полки в коридорах голубого дома (мы измерили коридор, полки, количество книг и пришли к выводу, что это создаст нам большие неудобства); освободить одну из комнат на втором этаже и превратить её в библиотеку (но увидели, что комнаты слишком маленькие для библиотеки); пристроить к голубому дому помещение (после всех расчётов поняли, что слишком дорого, но, главное, нужно будет многое ломать).

В прошлом 2011 году я предложил Валерии свой вариант:

– Давай пристроим библиотеку к задней части башни, светлую, красивую, большую. Двери могут выходить прямо во фруктовый сад, где можно посадить ещё две сотни кустов роз... И давай ещё в этом новоприобретённом дворике построим молельню, часовню, церквушку, храм, не знаю, как назвать...

Мы с ней отмерили место для библиотеки, выбрали место для постройки храма. И она спросила меня:

– А деньги у тебя есть?

– Я сэкономил пять тысяч долларов...

– Это же смешно! Пять тысяч...

– Начнём, Пика, там видно будет... Библиотека будет моим подарком тебе...

Однако, что будет видно и откуда деньги смогут потечь ко мне, я ещё не знал, но сердце подсказывало: рискни!

Мы рассказали Паате о наших намерениях, оставили ему пять тысяч долларов и попросили начать строить фундамент. Сами же уехали в Москву. А в Москве я по просьбе Пики пошёл в банк, чтобы снять деньги для семейных нужд. И что я вижу? В моей сберегательной книжке записаны поступления 600 тысяч рублей. Откуда?

– Всё правильно, – сказала мне девушка-оператор, которую я попросил выяснить, нет ли ошибки.

Радостный прихожу домой и кричу:

– Пика, любимая моя, видишь, Бог послал нам помощь... Может быть, гонорар за книги, ещё какая-то премия, ещё зарплата...

В общем, когда 1 июня 2012 года мы вернулись в Бушети, нас ждала радость: большая и светлая библиотека и построенная из камня красавица-молельня.

Валерия воодушевилась. Сама собой собралась бригада в помощь ей: Гиви, Тина, Эка, Натия и я. Сложили полки, расставили мебель, повесили занавески, распаковали коробки с книгами, прочистили и проветрили их, классифицировали и разложили по полкам. Осталось несколько сотен книг, которые мы подарили районной библиотеке в Телави.

До середины июля, то есть до града, я часто находил Пику в своей библиотеке. Её так и называли: библиотека Пики. Она сидела в кресле и перед ней лежали давно ждущие её прикосновения старинные книги, редкие издания Шекспира и Шиллера.

Но потом, после града, ей трудно было пройти 50 метров от голубого дома до башни. И, кроме того, ей было некогда: она набирала на компьютере мою книгу и писала свою – надо было успеть до отъезда в Москву.

3-го августа мы устроили ритуал освещения нашей молельни. Из Тбилиси приехал о. Матата, собрались родные, близкие, односельчане, дети. Народу было много. о. Матата провёл обряд – это длилось долго. Мы держали зажжённые свечи. Пика стояла рядом со мной и всё тревожилась о том, что я устаю и хотела посадить меня на стул. Но я не слушался её. А каково было ей самой? Я ещё толком не знал, насколько ей было тяжело стоять час с лишним под палящим солнцем.

В последующие дни до отъезда я в день три раза приходил в наш маленький храм (так назвал его о. Матата), молился, читал Библию. Пике же ходить туда было трудно. Она весь день находилась на веранде, работала у компьютера или ложилась на кровать и записывала текст своей будущей книги. А гнездо ласточек наводило на неё грусть: они уже не резвились рядом, они погибли.

* * *

Окно моего кабинета в голубом доме смотрит на восточную часть нашего двора, на бассейн, на розы перед бассейном. Я работаю, но то и дело гляжу в окно и люблюсь, как Пика плавает, да ещё считает, сколько метров проплыла: переставляет на бордюре метку.

Я выглядываю в окно и зову её:

– Дельфиня!

Она смотрит, машет рукой, улыбается и сообщает мне:

– Уже 60 метров проплыла!

– Молодец! – кричу я и аплодирую ей.

Она велит мне:

– Иди тоже поплавай, хватит работать. Отдохни...

Я выполняю её желание, и через минуту я уже в бассейне, гонюсь за ней, но скоро устаю и поднимаюсь наверх. Пика же продолжает плавать и ставит рекорд: проплыла более 100 метров.

Я опять усаживаюсь за свой письменный стол и погружаюсь в свои мысли. Потом поднимаю голову и наблюдаю за любимым для меня зрелищем: она уже сидит в кресле у бассейна и смотрит на Кавказские горы. Был бы я художником, создал бы сейчас её портрет – философский, задумчивый. Она обаятельна. Хочу сделать ей приятное. Спускаюсь во двор, собираю сочные вишни и несу ей. Она улыбается, довольна.

– Шен гаихаре! – говорит. Это её слова благодарности-благословления – «Да будет тебе радость!» – Садись со мной, будем на горы смотреть.

Эти утренние минуты для меня очень дороги: я рассказываю ей, как продвигается моя работа, какие развиваю мысли и жду от неё оценки-одобрения. Но она одобряет мои мысли не всегда. Иногда её слова меняют моё привычное понимание вещей. Поэтому мне часто приходится переписывать заново главы.

В это утреннее время она тоже делится со мной своими мыслями: с чем столкнулась, в чём преуспевает. Задаёт вопросы, я высказываю свои соображения, она держит наготове блокнотик с карандашом и быстро всё записывает.

Я возвращаюсь в свой кабинет, собираюсь с мыслями, но одним глазом всё же выглядываю в окно. Она теперь ухаживает за кустами роз: чистит от засохших листьев, освобождает от мелких насекомых. Каждый куст знает её, каждый бутончик ждёт ласки её пальцев. Я зову её моей садовницей, королевой роз. Смотрю на неё и не замечаю, как вдохновляюсь и погружаюсь в работу, забыв обо всём. Проходит время, может быть час, и из этого забвения меня выводит её тихий, бархатный, ласковый голос:

– Аи! – это значит «вот!»

Она ставит мне на стол маленькую красивую вазочку со свежим распустившимся бутончиком розы, а прежнюю забирает.

Это она делает через каждые три-четыре дня, и каждая роза обновляет, освежает мне душу. Но как сказочно звучит в её устах это волшебное слово – «аи!». Оно тоже как бутончик – благоухающий, обещающий, радующий. Мне тоже хочется произнести это слово так же, как произносит его Пика. Потому то и дело брожу по всей усадьбе, ищу только что созревшие плоды малины или ежевики, ищу на деревьях самый свежий красивый персик, самый сладкий инжир, только что распустившийся полевой цветок (розы срезать не осмеливаюсь, это её царство и она не обрадуется моему вторжению в её владения), несу ей что-нибудь из этих даров и говорю: «Аи... аи»... Ставлю ударение то на «а», то на «и», но тут же чувствую: не получилось у меня выразить это простое слово с тем же чувством заботы и нежности, как это делает Пика.

Люблю, когда она говорит «аи» и жду, ибо тем самым она направляет моё сознание на мир чудный...

Начало августа.

Я побродил вокруг усадьбы.

После грозы жизнь природы еще не успела возродиться.

Грустно.

Ищу, что же мне принести Пике и сказать «аи!».

Не нахожу ничего, кроме камня, который может пригодиться, чтобы удерживать на столе бумаги от ветра. Поднимаюсь на веранду. Она только что прилегла на постель и задумчиво смотрит на пустое гнездо наших ласточек.

– Аи... – говорю я и протягиваю камень.

– Приляг тоже... – предлагает отдохнуть, но скорее всего, хочет поговорить.

Я ложусь рядом с ней и наполняюсь тревогой.

Что она хочет мне сказать?

В последнее время я замечаю, что она мало ест, отказывается от плавания в бассейне. А плавать для неё радость и наслаждение. Мы, жители усадьбы, называем её директором бассейна, потому что только она знает, как ухаживать за водой в бассейне. Я заметил ещё, что ей трудно сидеть час-другой за компьютером, она перестала гулять со мной вместе во дворе, чтобы навестить отдалённые от «центра» кусты роз и посмотреть, как растут посаженные на «окраине» деревца. Я смутно чувствую, что ей нездоровится. Пару раз спрашивал, в чём дело, но она говорила, что ничего особенного. Теперь же она сочла нужным кое-что объяснить мне.

– Ликуни, – говорит мне она, – не могу понять, что со мной происходит, посмотри, как растёт живот.

И она показывает. Этого я не замечал. А теперь вижу.

Действительно, почему? Что это такое?

Я озабочен.

– Не знаю, но мне кажется, что всё это началось после того злосчастного дня, когда выпал град... – говорит она, – Грустно мне, больно глядеть на эту пустыню... Розы не цветут, птички не поют, нет наших ласточек и птенцов... может быть, от этого?

– Возможно, – отвечаю я рассеянно, – мне тоже грустно... Но что делать, Пика?.. Пройдёт всё это. В будущем году всё будет по-прежнему...

Я трогаю ее животик и убеждаюсь: так не должно быть.

– Болит? – спрашиваю.

– Нет... Но мне трудно ходить с таким животом, быстро устаю, не могу серьёзно работать на компьютере, спина начинает болеть...

– Пика, давай обратимся к врачам, поедem в Тбилиси, там есть хорошие врачи.

– Нет, – отказывается Пика, – что врачи могут сделать? Да ещё столько работы, я ведь ещё должна закончить книгу...

Проходят дни.

Она не спускается вниз на завтрак, на обед. Мало ест. И все мы видим: худеет прямо на глазах. Уже невозможно скрывать от близких, что ей нездоровится.

Об этом Паата сообщает Нине в Москве. Она требует, чтобы мы немедленно вернулись в Москву, чтобы показаться врачам. «Вернитесь сегодня же!» – требует она. Но у нас билеты на второе сентября и нам не нужны лишние хлопоты по обмену билетов.

Тогда наши близкие советуют немедленно обратиться к специалистам в Тбилиси, называют именитые фамилии, но Пика решительно не желает ехать из Бушети куда-то, предпочитая дожидаться возвращения в Москву.

А тревога наша растёт.

Я закончил свою книгу об учителе и спешу порадовать её.

– Пик, поцелуй меня, похвали, вот рукопись...

Она гладит меня по голове, целует, берёт рукопись и говорит:

– Сегодня же начну набирать на компьютере...

– Нет-нет... ты делай своё дело... Наберём в Москве...

Я боюсь утомлять её, заставлять часами сидеть у компьютера.

– Лаборантка наберёт в Москве, какая спешка...

Но Пика вообще против, чтобы мой текст набирал кто-то другой. Среди разных причин есть и такая веская: она не хочет, чтобы кто-нибудь другой обнаруживал в моём тексте орфографические погрешности. Раз она решила, что сегодня же, вот уже сейчас, начнёт набирать текст, она так и делает. Её решение и дело – это единый целостный акт.

Она оставляет своё дело – довершить до отъезда свою книгу, садится у компьютера и начинает работать. Ей трудно долго сидеть, болит спина. Она на пределе, но за пять дней доводит дело до конца. В эти дни я нахожусь поблизости, иногда уговариваю отдохнуть. Напечатав на компьютере последнее слово, она прилегла и позвала меня.

– Ложись рядом, – сказала она. Я выполняю её просьбу. Она ласкает мой лоб и говорит, – Мой умный мальчик... Хорошая книга... Идея хорошая... Ты, оказывается, владеешь детективным жанром, держишь читателя в напряжении...

Она говорит мне то, что мне очень важно услышать именно от неё. Её похвала для меня выше всяких других, её оценка для меня окончательная. Она слов так просто не бросает, никогда не подведёт. Я все эти пять дней ждал, какое у неё сложится мнение о моей новой книге, в которой в литературной форме задумал показать сложности утверждения в жизни идей гуманной педагогики.

Я радуюсь.

– Значит, получилась книга? Спасибо, спасибо! – и целую её, измотанную и усталую, но довольную, что порадовала меня.

Уже последние дни августа.

– Но, Пика, прости меня, я не дал тебе завершить твою книгу...

– Ничего, – успокаивает она, – сделаю в Москве.

Нам пора укладывать чемоданы.

Дописать книгу в Москве тебе уже было не суждено.

Ты оставила мне флешку, в которой я обнаружил полный план-конспект ненаписанной книги под названием – «Чтение сердцем... Ибо без сердца что поймем». В ней же находятся развернутые главы той же книги, почти что завершённой, но не совершенной, – как говорят, черновик.

Мы с тобой не раз обсуждали твои планы и идеи, и вроде бы я был в курсе всех твоих намерений, но когда (это уже после всего) открыл твою флешку и просмотрел план-конспект, изложенный на более 60 страницах, я поразился размаху твоих замыслов и богатству собранного материала. В нем значатся вопросы:

- Образ учителя, несущего детям Свет Чтений.*
- Слово, пробуждающее в детях творцов.*
- Воображение. Вдохновение. Творчество.*
- Как учитель помогает ребенку открыть свой внутренний мир (показать на примерах).*
- Развитие тяги к выразительному чтению.*
- Ученики: соавторы; стихотворцы; баснописцы; сказочники.*
- Развитие в ребенке способности идентифицировать себя с героями и даже с автором художественного произведения.*

– Постижение детьми смысла и нравственной стороны художественных текстов. Проникновенное чтение и прочувствование образов героев поможет каждому ребенку перекинуть невидимый мостик в свой внутренний мир.

– Развитие в детях способности чувствовать, слышать, видеть и «читать» подтексты как заветные, но не записанные автором мысли, чувства, переживания.

– Развитие утонченного вкуса детей и их устремленности ко всему высоконравственному, прекрасному, возвышенному в словах, образах, мыслях, в своих действиях и поступках и т.д.

В конспекте я увидел мысли для эпитафий, выписки из трудов Н. Бердяева, Л.С. Выготского, Д.Н. Узнадзе, мысли многих других авторов; увидел варианты названия глав. Упоминаешь имена своих учеников – Сережи, Маши, Миши, Володи, Анны, Мити, Леры, Кати, Олежки... А в скобках указываешь цифры – это номера и страницы многочисленных блокнотов, в которых ты записывала свои наблюдения над детьми, их высказывания, ход твоих уроков, необычные школьные истории...

Вот что я решил, Пика: издам этот план-конспект и книгу в том незавершенном виде, как ты ее оставила, и пусть воспользуются учителя. Думаю, они поблагодарят тебя.

* * *

2 сентября.

Мы летим в Москву.

Нас из Бушети провожают родные.

– Берегите себя! – говорит Гиви.

В глазах Тины грусть.

В тбилисский аэропорт нас везёт Паата. Ведёт он машину спокойно. Мы обсуждаем возможность получения им гражданства России и его будущую деятельность в движении гуманной педагогики. Говорим о дальнейшем обустройстве нашей усадьбы, о планах проведения в Бушети в будущем году второй встречи соавторов «Манифеста гуманной педагогики». Слушаем песни детей художественной студии «Басты-Бубу», которую возглавляет Паата вместе со своей женой Тамрико.

Чтобы проводить нас, в аэропорт приехали моя сестра Натела, племянница Мака с мужем Паатой, внучка Нинца вместе с мужем Геги, невестка Тамрико, правнучка Тамуси, внучки наши Мариам и Анна.

Мы не хотим долго держать их, потому быстро регистрируемся, прощаемся со всеми и, наконец, мы уже в самолёте. Взлетаем.

Обычно каждый раз при взлёте Пика достаёт из сумочки иконку Святого Николая Чудотворца, целует её и передаёт мне. Тоже прикасаюсь губами к иконе и кладу её в карман сорочки. По сложившейся у нас традиции я должен вернуть её Пике, когда прилетим. Но на этот раз икона осталась у меня, осталась навсегда.

Я тоже исполняю в самолёте свой обычный ритуал. Когда самолёт набирает полную высоту, более 9 тысячи метров, достаю из кармана подарочное издание книги Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Ношу её всегда с собой, читаю и перечитываю, а на полях

записываю, с указанием даты, где я сейчас нахожусь. На этот раз пишу на полях мелкими буквами: «2.09.2012. Тбилиси-Москва (Боинг). Пика и я», расписываюсь и прошу Пика тоже расписаться. Она пишет «Пика» и возвращает книгу. Так делаем всегда, когда путешествуем вместе. Хотя смутные предчувствия мучали меня, но я тогда не мог допустить, что в книге, которая стала нашей летописью, она расписалась в последний раз.

Пика, где только мы с тобой не бывали! Иногда возвращались в тот же город второй, третий, четвертый раз, чтобы провести наш совместный авторский семинар, поучаствовать в областных и республиканских чтениях по гуманной педагогике. Всюду создавали лаборатории по гуманной педагогике, советовали коллегам как работать.

Беру мою сувенирную книгу «Витязь в тигровой шкуре» и списываю из полей ее страниц название этих городов: Екатеринбург, Верх-Нейвинск, Тюмень, Нижний Новгород, Тобольск, Владивосток, Челябинск, Смоленск, Франкфурт-на-Майне, Новокуйбышевск, Барнаул, Санкт-Петербург, Смоленск, Пенза, Никольск, Курчатова, Красноярск, Рига, Даугавпилс, Вильнюс, Алматы, Астана, Бишкек, Уральск, Таллинн, Калининград, Клайпеда, Резекне, Ростов-на-Дону, Минусинск, Елгава, Абакан, Усть-Каменогорск, Юрмала, Огре, Салдус, Цесис, Благовещенск, Утена, Донецк, Артемьевск, Киров, Пермь, Львов, Киев, Черновцы, Тольятти, Ровно, Муром, Сургут, Нижнекамск, Набережные Челны, Одесса, Ревда, Томск, Тернополь, Житомир, Днепрпетровск, Махачкала, Грозный, Иркутск, Ангарск, Симферополь, Севастополь, Хабаровск, Харьков, Кировоград, Карагай, Шауляй, Ижевск, Белгород, Владимир, Южно-Сахалинск, Уфа, Смилтене, Ярославль, Рыбинск, Лебеден, Сумы, Гродно... Дальше? Дальше без тебя, Пика... На полях книги, – а из 366 страниц в ней свободными остались всего 14, расписывается Паата, который заменил тебя и вместе со мной ведет авторский семинар. Его учителя и воспитатели-дошкольники признали и полюбили.

Она кладёт голову мне на плечо и дремлет. Я смотрю в окно. Летим над Кавказскими горами. Потом под нами российские, необозримые даже с такой высоты, поля. Время от времени вижу города.

В салоне раздают обед, но Пика отказывается от него, выпив только стакан чистой воды. Мы ни слова не проронили о её состоянии. Мало говорили, но думали, мне представляется, об одном.

И когда прилетели в аэропорт Домодедово и нам нужно было пройти длинный узкий коридор, Пика сказала мне: «Не отпускай мою руку, а то могу упасть...». До сих пор звучат эти слова в моих ушах. И через звучание я понимаю, как ей было плохо. Конечно, я её опора, идём медленно, другие обгоняют нас, спешат пройти паспортный контроль, получить багаж. Мы не спешим, выходим последними.

Нас встречают Нина и Андрей, и мы обнимаем их.

Нина сообщает, что уже поговорила с батано Гурамом Ахаладзе, он близкий нам человек, известный хирург, профессор, заведует отделением хирургии.

– Он завтра ждёт нас, – говорит Нина.

Она веселится, рассказывает о наших внуках, Александре и Михаиле, о московских событиях.

А утром идём к батано Гураму.

Это уже 3 сентября, день, когда открывается нам правда, нам – мне и Нине.

Батано Гурам ласково приветствует нас, проводит в свой кабинет. Укладывает Валерию на кушетку и с помощью эхоскопии внимательно исследует её живот. Но ему не понадобилось много времени, чтобы поставить диагноз.

– Вода, – сказал он, – только надо узнать причину. Пойдёмте к другим специалистам.

Мы выходим из кабинета, на лифте спускаемся на другой этаж, потом идём по коридору. Гурама Германовича уважает вся больница, это видно по тому, с каким почтением приветствуют его встречающиеся коллеги.

Заведующий отделением просит всех подождать в коридоре, а Валерию заводит к себе в кабинет. И пока она там, я спрашиваю у батано Гурама:

– Что нужно будет делать?
– Если мой диагноз подтвердится, тогда я позвоню в Онкологический центр профессору Жордания, он единственный, кто может что-то сделать...
– Онкологический?! – с испугом переспросил я. Меня всю жизнь пугало это слово.
Батоно Гурам посмотрел на меня и сочувственно переспросил:
– А вы не были готовы к такому, да?
– Нет...
– Положение очень серьёзное, болезнь запущенная. Боюсь, что это злокачественная... – сказал он и после паузы добавил, видимо, для моего успокоения, – Но надежды терять не надо...
Из кабинета выходит Валерия.
Врач приглашает Гурама Германовича, и они в присутствии Нины обсуждают результаты обследования.
Стараюсь собраться с духом и говорить с Пикой весело.
– Ну как? – спрашиваю, – Что сказал тебе врач?
– Ничего не сказал... – отвечает она.
– Всё будет хорошо, – говорю спокойно.
Нина с Гурамом выходят.
Батоно Гурам звонит по мобильному телефону.
– Кирилл Иосифович, здравствуйте, – и дальше слышу: он объясняет профессору Жордания свою просьбу принять на лечение близкого ему человека – Валерию Гивиевну Ниорадзе. Потом обращается к нам, – Кирилл Иосифович – сын известного врача Иосифа Жордания, который основал в Тбилиси Институт физиологии женщины.
Валерия заинтересовалась:
– Это тот Жордания, который погиб в авиационной катастрофе?
– Да, тот самый. И вот его сын, тоже известный врач, выходит из отпуска 7 сентября. Он заведует отделением в Онкологическом центре. Утром в девять часов он будет вас ждать.
– А зачем в онкологический? – встревожилась Валерия, – Вы же сами можете выкачивать из живота воду?
Батоно Гурам ответил уклончиво:
– Там это сделают лучше.
Мы возвратились домой, каждый озабоченный тем, что узнал.

* * *

4 сентября по расписанию университетской кафедры педагогики Валерии предстояло провести первую лекцию со студентами третьего курса исторического факультета.
Она к лекциям со студентам и к урокам в школе всегда относилась с исключительной ответственностью: никогда их не пропускала, тщательно готовилась, спешила к студентам и детям с радостью и желанием, возвращалась усталая, но всегда довольная.
Хотя в последнее время по причине закрытия школы она лишилась уроков, и это её очень огорчало. «Не могу без уроков, без детей!» – говорила она и всё ждала звонка от Марины Николаевны, завуча московской школы, которая, будучи в Бушети, обещала, что выделит Валерии уроки в начальных классах. У неё были новые планы работы с детьми по курсу письменноречевой деятельности.

Пика, этот прекрасный курс создан тобой на радость тысячам учителей и детей. Уважаемый нами профессор Михаил Викторович Богуславский так оценивает твоё научное открытие: «...автором, безусловно, создана оригинальная и целостная система, которая шире и богаче её методического и технологического кластера. Это оригинальная, более того, не имеющая аналогов система, которая должна прийти на смену существующей».

Ты решила одну большую загадку психолога века Льва Семёновича Выготского. Он в 20-30-х годах 20 в. Выдвинул гипотезу: с овладением письменной речью начнётся критический поворотный момент во всём культурном развитии ребёнка. Но как разрешить эту гипотезу,

когда с приходом ребёнка в школу его возможность к письменной речи пока ещё находится за горизонтом – Выготский оставил методистам, педагогам. Однако они продолжили свой «ложный» путь, полагая, что навык письма сам вытащит на божий свет способность к письменной речи.

Какие только эксперименты ты не пробовала, пока не нашла решение задачи, и у тебя получился гуманный подход. Духовное измерение и творчество сделали своё дело: ты открыла путь, как с первого же дня школьной жизни выращивать в детях эту глубоко скрытую в них способность «рисовать словом», как ты любила говорить.

И действительно, началось культурное восхождение твоих учеников. И не только в том, что они сочиняли сказки, рассказы, стихи, а главное в том, что менялся их образ школьной жизни, и, стало быть, сама судьба: они страстно полюбили уроки письменноречевой деятельности и сделали письменное слово «светочем души». То есть ты раскрыла перед каждым ребёнком тайну: как богат его духовный мир и как сделать его ещё богаче. На твоих уроках ученики философствовали о жизни, о духе, о любви, о Боге, о силе слова, поэзии... Ты дала импульс началу «критического поворотного момента во всём культурном развитии ребёнка».

Какая ты приходила радостная после уроков! Весь вечер рассказывала о Никите, Мише, Даше, о Лерочке... Читала мне их сочинения и сама удивлялась детским способностям. Потом ты оснастила свою систему не только теорией, но и методическими и образовательными пособиями, и твой опыт нашёл широкое распространение среди учителей. После этого ты и задумала написать педагогическую трилогию. Успела выпустить первую книгу – «Письменное слово – светоч души», оставила неотредактированную рукопись второй книги «Чтение сердцем» и собрала часть материалов для третьей книги по развитию устной речи...

Она волновалась: почему Марина Николаевна до сих пор ничего не сообщает.

– Позвони, спроси, в чем дело, – говорила она.

– Не волнуйся, Пика, – успокаивал я ее, – ты же знаешь, что она человек слова. Школа только что начала работать, а она новый завуч... Подождем еще пару дней!

Но вот что касается лекций, она на полном серьезе решила завтра утром пойти в университет.

– Нет, Пика, я пойду вместо тебя, а потом ты поправишься и продолжишь сама...

Еле смог уговорить её. А когда на другой день я вернулся из университета, она, лёжа в постели, начала жадно расспрашивать, как приняли меня студенты (дело в том, что она на втором курсе уже работала с ними, и они полюбили её), какая получилась лекция, о чём именно я с ними говорил.

– Студенты попросили меня передать тебе привет и пожелания выздоровления, они ждут тебя, – сказал я ей.

– Там есть одна девочка-инвалид, её сопровождает мама...

– Да, они были и очень огорчились, что тебе нездоровится...

Ей нужно было узнать о каждом студенте, но я не смог ответить на все вопросы, потому что всех студентов по имени еще не знал.

Следующая лекция, уже с пятым курсом, предстояла именно 7 сентября в вечернее время.

– Тебе не надо сопровождать меня к Жордания, готовься к лекции, – настаивала Пика.

Но я успокоил её – написал план лекции накануне и согласовал с ней. Кроме того уверил её, что я успеваю, не весь же день мы будем у Жордания.

Эти дни ожидания встречи с профессором кое-как прошли. Пика то лежала и читала, то вставала и перебирала книги на полках.

А 7 сентября мы пришли пораньше, сели перед кабинетом профессора Кирилла Иосифовича Жордания и ждали его прихода. Оказывается, он на работу приходит в 7 часов, обходит палаты и узнаёт состояние своих больных, а в 9 часов принимает посетителей. Мы узнали его по внешности, которая выдавала в нём грузина.

– Вы ко мне? – спросил он нас. – От Гурама Германовича, так? – и обратился ко мне, – Джентельменам подождать в коридоре, а женщин прошу!

Валерия и Нина вошли в кабинет.

Потом Нина рассказала, с чего началось их общение.

– На что вы жалуетесь? – спросил профессор.

Но Валерия достала из сумки свою книгу.

– Я восхищаюсь подвигом Вашего отца, – начала она, – детям в школе рассказываю о нём...

У Валерии был специальный урок о благородстве и великодушии. Слово «великодушие» она объясняла детям так: лик великого в душе человека. В качестве же примера великодушия и благородства она приводила детям подвиг профессора Иосифа Жордания. Этот удивительный человек возвращался с научного конгресса в Рио-де-Жанейро. Над океаном самолёт загорелся. В салоне была маленькая девочка, которой не достался спасательный жилет, ибо она была безбилетной. Профессор долго не думал, надел на неё свой жилет и толкнул её в люк. Самолёт утонул в океане. К людям подоспела помощь, спаслась и девочка-француженка, но погиб один – Иосиф Жордания. Об этом поэт Андрей Вознесенский написал «Балладу о подвиге профессора Жордания».

На уроках Валерии у детей слезились глаза, они становились задумчивыми. На наших авторских семинарах по гуманной педагогике Валерия показывала учителям свой мастер-класс, и происходило то же самое: читая «Балладу», учителя плакали.

А теперь, находясь в кабинете Кирилла Иосифовича Жордания, Валерия рассказывает сыну, тоже прославленному профессору, о своём уроке. Делает это не потому, чтобы врач потом более внимательно отнёсся к её бедам (она далека от таких намерений), а в силу прилива чувств, что она общается с сыном героя её урока. Кирилл Иосифович не ожидал такого от пациентки. Но когда Валерия обратилась к «Балладе», сказал:

– Я эту «Балладу» знаю наизусть...

– Но Вы послушайте её от меня, – сказала она и раскрыла книгу.

«Баллада» Андрея Вознесенского прекрасна, но когда читает её Валерия Гивиевна, по телу слушателя начинают бегать мурашки, а на глаза наворачиваются слёзы. Сама тоже всякий раз переживает героическую историю. Я приведу эту часть «Баллады» и можно только вообразить её звучание в устах Валерии.

«Боинг» средь океана тонет, как мертвый кит.

Народ в пылающем «Боинге» давится и вопит.

Натягивают пассажиры спасательные жилеты.

И только жилета нету для девочки безбилетной.

Звереют у люка люди.

Ни в ком состраданья нет.

Но кто-то с себя снимает и ей отдаёт жилет.

Девочка, кругом звери!

Но он из других натур —

Вздохнул на прощанье поглубже и сам ей жилет надул.

Потом подмигнул стюардессе: «Не надо меня жалеть.

У каждого свои вкусы. Я не ношу жилет».

«Держись!» — приказал он девочке и вытолкнул ее в люк.

И кинул ей вслед последний, как нимб, спасательный круг.

Кирилл Иосифович грустно произнёс:

– Вы заставили меня прослезиться...

После осмотра он вызвал сотрудника, как потом узнали, первоклассного хирурга, которого зовут так же, как нашего сына. Поручил ему позаботиться о Валерии Гивиевне.

Валерия взмолилась:

– Понимаете, мне нужно только избавиться от этой жидкости. Избавьте меня от неё, если можно, сейчас же!

Кирилл Иосифович ответил сдержанно:

– Да, Паата сделает для Вас всё, а я рядом, обращайтесь ко мне в любое время.

Валерия ещё не знала, что это за жидкость и думала, что стоит только выкачать её, и можно будет снова спешить на лекции, на уроки, закончить свою книгу, в общем, начнётся обычная жизнь.

Паата сказал нам, что нужно спуститься на первый этаж и там зарегистрироваться.

Мы проходим коридоры, длина которых сотни метров. Находим нужный кабинет, перед которым стоит огромная очередь.

Ждём. Проходит час, ещё час, ещё...

Валерии трудно сидеть, она еле держится.

– Я вот-вот упаду... Нельзя ли пропустить нас?

Но никто не хочет пропускать нас, у всех свои проблемы.

Наконец, мы стоим у дверей кабинета. Но в это время выходит врач и заявляет:

– Перерыв на час. Я уйду на совещание!

Нина обращается к ней умоляюще:

– Пожалуйста, маме очень плохо, примите нас...

А та отвечает, поддразнивая:

– Пожалуйста, не могу... – и уходит.

Звонит врач Паата, спрашивает, почему так долго задержались. Нина объясняет, какая тут царит обстановка.

Спустя три минуты не принявший нас врач возвращается и кричит с раздражением:

– Это вы следующий? Проходите...

А вернул её Кирилл Иосифович.

Валерия выходит от врача обиженная.

– В чём дело? – спрашиваю.

Она (то есть врач) нагрубила ей. Мне неудобно записывать выражения, с которыми врач обратилась к Валерии.

– Забудем, – говорю.

Мы опять проходим сотни метров по коридорам. Идём медленно, иногда садимся отдохнуть на скамейку. Поднимаемся на лифте на 16-й этаж.

Паата сам возмущён формальностями, которые царят в больнице.

– Давайте поставим дренаж. Его нужно оставить, пока вся жидкость не выйдет...

Они входят в перевязочную, а я сижу в коридоре. Время тянется долго.

Потом выходят и я вижу: Валерия держит в руках целофановый пакет, в котором лежит...

Мы с Ниной знаем: Паата пошлёт пробы жидкости на разные анализы, но хорошего ждать не следует.

Возвращаемся домой.

Пика устала, ослабла, ложится.

Я успеваю провести со студентами лекцию.

* * *

Перед сном Пика хочет пройти в ванную. Садится на кровать.

Я подбегаю к ней помочь, но она предупреждает:

– Тебе не надо меня провожать, я сама...

Ну, конечно, сегодня утром, и вчера, и позавчера она ходила по комнатам сама, но сейчас другое дело. Она потеряла много жидкости, ослабла.

– Хорошо, сама. Но я буду рядом, – говорю я.

Она с моей помощью встаёт, берёт в руки свой пакет, с которым она вернулась из больницы, и делает первые шаги.

Идём медленно. Прошли коридор. Я открываю двери ванной комнаты и тут вижу: у неё задрожала рука и она шатается. Хорошо, что Нина с Андреем были дома.

– Нина, Нина, помоги... – кричу я, – Пика, что с тобой... Пика, Пика...

Я еле её удерживаю. Стоим неловко в дверях ванной. Нина успевает подставить стул. Мы сажаем Пика.

Нина велит Андрею принести нашатырный спирт, а мне – массировать кончики ушей Пики.

Я страшно напуган.

Массирую ушки, но нежно, точнее, ласкаю их и целую Пику, целую.

Нина даёт нюхать нашатырный спирт.

Пика открывает глаза, ухмыляется и говорит Нине слабым голосом:

– Ты говоришь ему массировать мои уши, а он целует меня...

Она вроде бы в состоянии вернуться обратно.

Ведём осторожно. Вот уже входим в комнату, но ей опять стало плохо. Мы успеваем посадить её на стул, и она опять теряет сознание.

Нина с Андреем принимают меры, а я не выдерживаю, мне кажется, что происходит что-то предельное.

– Пика, моя Пика, очнись... Пика, вернись...

Я бросаюсь на колени, целую её, рыдаю, взываю к Богу:

– Господи, верни её обратно... Пика, Пика... Господи, спаси её... Пика, очнись...

Спустя две-три минуты она приходит в себя, а моё горе переливается в такое же море радости, и слёзы радости не дают мне чётко её видеть. Я слышу, как она, улыбаясь мне, просит:

– Ты не плачь, Ликуни... не плачь, Ликуни ...

– Ты потеряла сознание, – сказала Нина.

– Да, но я всё слышала, как вы суетились, как он звал меня...

Мы уложили её в постель...

Последующие несколько дней прошли как-то спокойно.

Врач Паата приходил к нам домой, проверял Валерию и говорил всё время одно и то же: надо есть. Можно есть всё, говорил он, всё, что вам нравится. Надо дать организму окрепнуть, чтобы продолжать лечение.

Но Пика отказывалась есть. И если всё-таки принимала несколько ложек супа или кефира, тут же чувствовала рвоту и это мучало её. «Всё тело начинает болеть», – говорила она.

Нина отвела меня в свою комнату.

– Пап, может быть, надо сказать ей, что с ней, чтобы она не противилась нашим стараниям?

Сказать, что у неё рак и это последняя стадия?

А она надеется, что скоро всё пройдёт, что скоро встанет!

Она даже меня успокаивает, не тревожись, говорит, всё хорошо будет.

Как теперь ей сказать, что не надо строить иллюзии, что дела очень плохи.

Мы уже знали результаты анализа, они были вовсе не обнадеживающими...

Валерия умная женщина, сама поймёт.

– Давай, пошадим её... – сказал я.

– Но видишь же, она отказывается принимать пищу, даже укола не хочет делать, таблетки глотать...

– Силой ничего не сделаем, попытаемся уговорить её. Если ласка и уговоры не помогут, то принуждение и запугивание – тем более...

Так и старались, но это было нелегко...

* * *

Врач решил поддержать организм с помощью капельницы. Нина разыскала по интернету аптеку, где можно было купить нужные растворы. Я привёз их. И в течение нескольких дней молодая добрая и общительная медсестра Татьяна ходила к нам домой и ставила капельницу Валерии.

Валерия всё же не теряла надежду. Она надеялась, что все-таки встанет, даже запросила свою палку, которую ей подарил Дайнис. Палку я не нашёл. Потом выяснилось, что летом Мика дал её своему другу, который подвернул ногу, но теперь он здоров, и в тот же день Мика палку привёз.

– Завтра встану, – сказала Пика, и палку мы положили на видном месте.

Но палкой она так и не воспользовалась. И так как ей всё труднее становилось доходить до ванной комнаты, мы по интернету заказали инвалидную коляску. Сидеть в ней было удобно, и мы думали, что один-два раза в день будем сажать Валерию в коляску и она сможет находиться с нами во время обеда, пройтись по комнатам, смотреть телевизор.

Однако коляска нам пригодилась только для того, чтобы прокатиться от стоянки машины до здания больницы, потом перемещаться в её длинных коридорах и, наконец, проделать тот же самый путь в обратном направлении.

Когда Пика увидела коляску, она с пониманием дела произнесла:

– Значит, я больше сама ходить не смогу...

Пика больше не вставала. Но она хотела трудиться.

Двое студентов принесли запоздалые курсовые работы. Она прочла их, оценила, и я отправил работы в деканат.

– Что ты сейчас пишешь? Дай мне почитать и править! – сказала она.

Тогда я сказал ей:

– Пика, втайне от тебя уже три года пишу одну книгу, хотел сделать тебе сюрприз. Рукопись у меня в компьютере. Хочешь, распечатаю и дам тебе почитать?

Она, конечно, догадывалась, что я что-то скрываю от неё, но знала, что без её правки ни одна моя книга не увидит свет, потому тоже молчала и ждала. Книга называется «Разговор с Сердцем».

– Давай, – сказала она.

Я распечатал книгу на принтере и положил ей на кровать. Она начала читать. Читала медленно. Книгу объёмом в 100 страниц она отредактировала за четыре дня. Нашла в уже якобы проверенном мною тексте 96 ошибок – орфографических, пунктуационных, стилистических. Текст был набран лаборанткой. Пике особенно возмутила ошибка в имени нашего сына: вместо *Паата* было напечатано *Пата*. И это несколько раз. Лаборантка, которая набирала текст, видимо, два «а» в имени сочла моей рукописной ошибкой. Пика, ещё раз внося правку на последней странице, приписала: «Паата – грузинское имя! Писать через два а».

Она не сказала мне что-либо о книге, не успела сказать, но знаю, если бы возникли у неё сомнения, обязательно поделилась бы.

Многие наши друзья хотели навестить Валерию, но мы с Ниной берегли её спокойствие. Да и она сама не хотела показаться в своем состоянии.

Однако мы не смогли отказать Вере Геннадьевне, которая всего пять минут посидела у кровати Валерии и рассказала ей об университетских делах.

Пришли ещё Марина Игоревна и Марина Николаевна, наши старые друзья. Они задержались всего на несколько минут. Марина Николаевна сказала, что уроки Валерии по письменноречевой деятельности уже выделены, и до прихода Валерии она проведет их сама. Марина Игоревна же, видимо, желая усилить надежду на выздоровление, заговорила о Мише, муже Марины Николаевны, который несколько лет назад ушёл из жизни. Тогда врачи не смогли его спасти, но сейчас медицина очень продвинулась, говорила она, болезнь эта излечима.

Марины ушли, но, думаю, Пика впервые задумалась над серьёзностью и безвыходностью своей болезни. В тот день она ни слова нам не сказала, но спустя две недели, когда ей становилось всё хуже и хуже, спросила меня:

– Скажи мне, что со мной происходит? Почему Марина заговорила со мной о Мише? У меня то же самое, что у Миши?

Я попытался замять ответ.

– Пика, дорогая, идёт борьба такая же, какую вела ты, спасая меня от пожизненной инвалидности, от смерти... Я же не противился тогда твоей воле... Помогите, пожалуйста, умоляю тебя, чтобы мы победили...

– Как мне вам помочь? – спросила Пика.

– Принимай пищу и давай выполнять все назначения Жордания...

Она ничего не ответила.

Только чуть позже мы догадались о причинах и мотивах, которые побуждали её сопротивляться предписаниям врачей.

* * *

Позвонили от Кирилла Иосифовича Жордания и сообщили, что 21 сентября можно положить Валерию в больницу. Она очень не хотела ехать в больницу, просила оставить её дома, но уступила нашим просьбам. Мы посадили её в коляску, Сандрик и Мика с исключительной заботливостью снесли её по лестнице и посадили в машину.

После регистрации нас направили на 21-й этаж, в отделение интенсивной терапии и реанимации. Разместили в отдельной палате. В тот же день обнаружилось, что в левой ноге у неё тромбы, из-за чего нога распухла.

– Хирург по тромбам будет в понедельник, – сказала врач.

Значит, послезавтра.

С утра до вечера, а то и ночью включена капельница, несколько раз в день делают уколы, над кроватью стоит электронная аппаратура, которая постоянно измеряет давление, температуру, пульс.

Есть Валерия опять ничего не хочет. С трудом уговариваем съесть несколько ложек каши, выпить кефир, сок.

Каждое утро приходит Кирилл Иосифович.

– Здравствуйте, мадам, – говорит он весело, – почему вы сегодня без макияжа? Как себя чувствуете?

Валерия улыбается.

– Хорошо, – говорит.

– Что значит, хорошо? Вы ни на что не жалуетесь?

Валерия скромно молчит.

– Я знаю, что вы отказываетесь есть. Этим вы меня сильно подводите. Я не смогу вам помочь, если не будете нормально есть... Вы должны окрепнуть, чтобы провести дальнейшее лечение...

– А что ей можно есть? – спрашивает Нина.

– Всё можно есть, что ей хочется. На этих капельницах нельзя долго держать.

Профессор уходит, а Нина пристаёт к Валерии:

– Вот видишь... Давай поешь кашу, потом приготовим суп...

Напрасно...

Валерия не терпит даже запах супов, хачапури, каш, мясных блюд особенно.

Звонит из Тбилиси Паата. Вообще он звонит 10-15 раз в день, чтобы узнать, что нового. Сообщает, что подал документы на получение визы. Посредники обещают, что виза будет через неделю.

Мы обсуждаем вопрос: надо ли, чтобы Паата приехал.

Проходит три дня интенсивного переливания разных химических растворов через капельницу прямо в вену. Я даже боюсь думать, куда вся эта жидкость уходит. Что происходит с кровью, в которой смешивается такое количество химических растворов? Удивляет меня терпение Пики – она не ропщет, покорно всё принимает, но вижу, как ей тяжело.

Появляется хирург по тромбам. Медсёстры укладывают Валерию на кровать с колёсиками, и мы с 21-го этажа спускаемся на первый, в операционную. Операция длится час. Хирург объяснил нам, что он ввёл в вену оградительный стент, который не даст двигаться тромбу дальше, если он сорвется.

Сердце подсказывает: «Звони отцу Борису. Он тебе доброе слово скажет».

Отец Борис – настоятель храма, руководитель православной гимназии в Новосибирске. Дружим уже несколько лет. Мы с Валерией не раз бывали у него в гостях. Его открытость, простота и мудрость пленили нас. Мы полюбили его. Потом он согласился участвовать в

Международных Педагогических Чтениях. Учителя приняли его сообщение с восторгом и долго аплодировали, когда объявили о признании его Рыцарем Гуманной Педагогики. Я звоню и слышу его радостный голос, он благословляет меня, а я рассказываю о Валерии Гивиевне и прошу помолиться за неё. Он опечалился. Потом сказал, что 24 сентября будет в Москве и обязательно навестит нас. Он приехал утром, когда я варил кашу для Пики.

– Где Валерия Гивиевна? – спросил он.

– Ее три дня тому назад уложили в больницу, – сказал я.

Он пожалел, что не может с ней повидаться. Потом приготовился, как подобает священнику перед службой, и долго молился. Оставил для Валерии Гивиевны серебряную Икону Богородицы с капсулой со святой землей.

Он ушел, божий человек. И я пришел к выводу: пусть человек всегда надеется, но и пусть всегда помнит, что на всё есть воля Бога.

На следующий день, 25 сентября, я должен лететь в Ульяновск для проведения семинара с учителями. Мы с Валерией должны были вместе лететь, ибо это наш авторский семинар. Уже десять лет мы так работаем.

Валерия на этот раз отпускает меня одного. Даёт наставления, как себя вести, как беречь себя, не переутомляться. Я обещаю, что всё так и будет. Утром рано перед тем, как отправиться в аэропорт, прихожу в больницу.

– Кирилл Иосифович просит вас повидаться с ним, – говорит мне дежурный врач.

Я спешу к Кириллу Иосифовичу.

– Понимаете, – объясняет он мне сочувственно, – положение очень сложное, да ещё тромб обнаруживается. В любой момент можно ожидать всякое. Вы должны быть готовы ко всему. Потому хочу с вами согласовать вопрос: рискнуть начать химиотерапию?

Таким открытым текстом врачи говорят с нами впервые. Моё сердце сталкивается с тем, от чего оно всё время пряталось. Моё сознание терпит крушение, ибо ему открылась жестокая правда, во что оно не хотело верить. Я цепляюсь за надежду.

– А есть другой выход?

– Другого выхода нет.

– Тогда делайте, как знаете...

– Первую химиотерапию сделаем послезавтра, – говорит профессор.

Приходит Нина. Втайне от Пики я сообщаю ей обо всём этом.

С Пикой стараюсь быть собранным, весёлым.

– Уже пора ехать в аэропорт, не опаздывай, – настаивает она.

– Ещё есть время, – говорю я.

В конце концов, она добивается своего и меня просто выпроваживает из палаты, давая последние наставления:

– Береги себя... не перегружай себя... Учителям привет от меня передай...

Семинар был запланирован два года тому назад.

В актовом зале Ульяновского государственного педагогического университета собралось огромное количество учителей и студентов. Они с сожалением восприняли сообщение, что Валерия Гивиевна не сможет принять участие в семинаре.

В любую свободную минуту набираю номер мобильного телефона Пики и каждый раз слышу одно и то же:

– Ликуни, жду с нетерпением...

И я чувствую, ей трудно без меня, я должен быть рядом с ней. Сокращаю семинар на один день. В аэропорту Домодедово меня встречает Мика и везёт прямо в больницу.

Встречаемся, как будто не виделись целую вечность.

Узнаю, что позавчера сделали первую химиотерапию, через неделю намечается вторая процедура, а до этого сделали ещё и переливание крови.

Что правда, то правда – Кирилл Иосифович предпринимает все средства, делает всё возможное. Он распоряжается, чтобы из отделения интенсивной терапии Валерию перевели в обычную палату.

В палате оказывается ещё одна девушка. Она перенесла сложную операцию, врачи довольны результатом – тьфу-тьфу, всё прошло благополучно, и стучит по дереву. Девушка мечтает поскорее вернуться в свой родной город Казань, домой к мужу, к родным. Она была радостна и, как имеющая уже опыт, давала советы Валерии: надо есть, надо терпеть, надо принимать таблетки и делать уколы. Валерия слушала её с улыбкой.

Нина ночевала в больнице – закатывала из коридора свободную кровать на колёсиках.

Валерии было очень тяжело вставать. Нина принуждала, требовала соблюдать предписание врача – есть, принимать лекарства. Иногда и добивалась своего. Но Валерия каждый раз страшно страдала, мучилась и искала во мне защитника. Я уговаривал Нину оставить Валерию в покое, она же сердилась

– Как же иначе мы поставим её на ноги? Ты же слышал, что сказал врач? – надежда на счастливое выздоровление мамы теплилось в её сердце.

Так наступило 5 октября, когда Валерии сделали вторую химиотерапию. Процедура прошла нормально. А вечером неожиданно врач Паата сообщил нам:

– Если хотите, я могу сегодня выписать вас... Вы поедете домой, а через неделю приедете на следующую химиотерапию и так будете приходить в неделю раз... Всего мы проведём 18 процедур химиотерапии.

А чем могло всё это завершиться, знали мы с Ниной: если такая длительная химиотерапия сделает своё дело, далее предстоит сложнейшая операция. Мы держали все втайне, но Валерия умная женщина, она всё понимала. Не спрашивала, но догадывалась, о чём говорят нам врачи наедине. Чувствуя своё состояние, догадывалась, что химиотерапия её не вылечит, и вообще, нет ей спасения.

Но услышав, что нас выписывают из больницы, обрадовалась и торопила нас собрать вещи и поскорее уехать отсюда.

Нина сразу же вызвала Сандрика и Мику.

Они осторожно, заботливо посадили Пику в коляску, мы вышли в коридор и ждём Нину. Она побежала договариваться о возможности поближе подогнать машину. Это простое согласование заняло более часа, и Пика терпеливо ждала, хотя так долго сидеть в коляске после химиотерапии не следовало.

Наконец, приехали домой.

Мальчики подняли Пику с коляской на второй этаж. Мы уложили её в постель.

Мы дома, мы не в больнице!

Это радостно.

Но почему так неожиданно нас выписали из больницы? Мы, конечно, это поняли, поняли, что врачи осторожничают. Поняла это и Пика.

Но радость, что мы дома, умаляла значение всего остального.

* * *

В тот же вечер у Пики начались невыносимые боли и ощущение рвоты. У неё болело всё тело, и мы ничем не могли ей помочь. Врачи не сочли нужным предупредить о тяжелейшей реакции организма на химиотерапию и не посоветовали, что нам делать. Я сидел рядом, и всё, что я мог сделать – ласкать её и говорить слова успокоения. Нина сделала обезболивающий укол, но он мало подействовал. Пика стонала, чего я никогда от неё не слышал. Стонала и приговаривала: «Ваи деда...» («Ой, мамочка») и находясь в этой агонии, она произнесла фразу, которую потом, все последующие дни, ни разу не повторила:

– Мишвеле, Ликуни...

Это значит: «Спаси меня, Ликуни...»

Спаси!

О, как я хотел её спасти, спасти ценою собственной жизни!

Иногда такое возможно. Ведь спас профессор Иосиф Жордания незнакомую девочку ценою собственной жизни!

Но как тут быть?

Взял бы я все её страдания и болезни на себя и считал бы себя счастливым человеком. Я готов к этому.

И почему природа не позволяет нам так распорядиться собственной жизнью? Что это – моя жизнь не моя собственность?

Почти пятьдесят лет мы идём вместе по колючим тропинкам жизни. Идём рука об руку, не раз спасая друг друга. И хотя о таких вещах мы с ней и не говорили, но каждый из нас готов был жертвовать собой ради другого.

И вот такое время настало, а жертвовать собой ради любимого человека я не могу!

По закону природы болеть и умереть вместо другого, пусть самого любимого и дорогого – нельзя, не положено, не получается. Каждый должен болеть и страдать сам, и уходить из жизни тоже сам.

Я хочу, я готов лечь в постель вместо Пики, страдать вместо неё, умереть вместо неё! Пусть Пика встанет и ухаживает за мною. Пусть провожает меня в Вечность! Тем более, что всякий раз, когда я философствовал для себя о жизни и смерти, то воображал, как падают полные чистой любви слёзы любимой женщины на мою грудь! И от такого воображения мне было хорошо!

Она произнесла эти слова – «Мишвеле, Ликуни...» – только раз. Адские боли повторялись и в последующие дни, но она не позволила себе просить меня спасти её. И не потому, что знала – я бессилен, и спасти её невозможно, скорее, потому, что если такое даже было возможным, она бы не приняла мою жертву, она бы не допустила, чтобы я ушёл в тот мир раньше неё и вместо неё.

«Мишвеле, Ликуни...», – сказала она в переживании адской боли и в сознательном ожидании исхода, и сердце моё сжалось до горчичного зерна. Я отвёл глаза и заплакал. Заплакал из-за нашей – моей и её – беспомощности.

Что я мог сделать?

Ласкать и ласкать.

Целовать ручки.

Ночевать у её постели.

Подать воды.

Улавливать её желания.

Шептать о любви...

И я шепчу ей о любви:

– Пика, прости меня за откровение моё... Пика, только сейчас я чувствую и познаю, оказывается, как сильно тебя люблю... Только сейчас я узнаю свою безграничную любовь к тебе... Ты прости меня, если я не всегда проявлял красоту моей любви к тебе...

Шепчу эти слова в вариациях, держу её руку в своей и чувствую, как она мягко жмёт мою руку. Это может означать: «я знаю», или «спасибо», или «хватит тебе», или «тоже люблю», или мурлыканье от умиления «mmm».

Что же я ещё могу сделать для неё?

Ибо нас двое в этом мире.

Очень много у нас близких, родных людей, друзей, последователей.

Но нас двое таких в мире. Этот огромный мир сейчас ограничен маленьким пространством нашей спальни комнаты и ограничен днями, стремительно уходящими.

Уходят дни и уносят с собой по частям жизнь родного человека.

И я сознаю: надо проводить её, сопровождать её до порога, а потом со священной болью в сердце помахать рукой...

* * *

К полуночи боли стихли, и она успокоилась, попросила меня тоже лечь в постель и заснула.

Я лёг рядом. Смотрю на её лицо, оно тревожное, измученное.

Хочу ласкать и ласкать, целовать и целовать, но нельзя тревожить.

К утру я вздремнул, и мне приснилась Правда.

Давно не видел сны, а может быть, они не запоминались. А этот сон был очень ярким и без намёков.

Бушети.

Стою на веранде первого этажа нашего голубого дома.

За моей спиной Кавказские горы.

Хороший солнечный день.

Справа от меня, чуть поодаль, в кресле сидит Пика. А с левой стороны вдруг запела птичья стая. Необыкновенно красивые птички порхают в воздухе на высоте вытянутой руки и весело чирикают.

Смотрю на них с восхищением.

Приближаюсь. Они не боятся меня.

Поднимаю руку, она оказывается в гуще стаи.

Птички разлетелись, но одну из них я ловлю. Она меня не боится, но крылышки её трепещут и вот-вот она ускользнёт.

С умилением смотрю на неё, я поражён её божественной красотой.

Целую её крылышки, клюв, ласкаю.

Иду к Пике.

«Посмотри, что за чудо!», – говорю ей.

Пика мне не отвечает, только чувствую, что она просит отпустить птичку.

Я открываю ладонь.

Птичка-красавица поднялась в воздух. Сначала порхала надо мной, а потом взлетела ввысь в сторону Пикиного родника, то есть на Восток.

Я смотрю, как она поднимается всё выше и выше, а потом растворяется в голубом небе...

Сразу проснулся, и первое, что я сделал – записал сон.

И понял всё: птичка красивая – это душа Пики, которая в скором времени улетит от меня, от нас всех...

Утром позвонил Паата.

– Как Валерия, – спрашивает.

Я осторожно объясняю, но он настораживается.

– Почему так говоришь, – упрекает меня, – ведь ещё предстоит лечение...

Я молчу.

После сна во мне зарождается другая надежда: душа Пики готовится для обитания в Высшем Мире.

– А как с визой? – спрашиваю я. Хочу, чтобы он успел повидаться с мамой.

– Обещали, что будет в конце недели...

А сегодня воскресенье.

Далее рассказывает, что нашёл другой путь приехать в Москву.

– И что это за путь?

– Надо приехать в Минск. Там есть люди, которые занимаются тем, что товарным вагоном перевозят нелегалов в Москву и так же забирают их обратно. Если не будет визы, поеду этим путём...

– Не смей! – возмущаюсь я. – Если тебя обнаружат, выдворят, и тогда совсем откажут в российском гражданстве!

– А что делать?

– Не будет визы, значит, не приедешь... Нет другого выхода...

Утром Нина предложила Пике позавтракать.

– Мурмур, что будем есть?

– Ничего... – прошептала Мурмур.

– Как это? – возмутилась Нина. – Ты же сама обещала, что будешь есть, ты же согласилась на меню, которое мы в больнице составили...

Нина показывает мне бумагу, на которой записано:

Завтрак:

- чёрный чай с сахаром,
- бутерброд с маслом или мёдом, или
- кефир с бутербродом.

Обед:

- суп из картошки, моркови и вермишели,
- творожная запеканка,
- огурец и яичный белок.

Ужин:

- творожная запеканка с чаем.

В течение дня:

- апельсиновый сок (1 апельсин),
- гранатовый сок (1 гранат),
- яблочный сок (1 яблоко).

Я прочитал меню, Мурмур соглашается – меню неплохое, главное, в нём нет мясных блюд.

Но по всему видно: она есть не будет. Особенно после того, что случилось вчера.

Вчера она ясно поняла, что обречена. Вчера она произнесла следующее:

- Мне лучше умереть, чем так жить!

Она есть не будет ещё и потому, что потом чувствует мучительные боли и рвоту. Есть ещё и другие причины: одна болезнь повлекла за собой другие, о которых она не хочет говорить.

Она поняла, что больше не встанет, книг больше писать не будет, не будет спешить на уроки в школе, не будет готовиться к встречам со студентами, не будет ездить со мной вместе и проводить авторские семинары, больше не станет участником международных чтений, выступать с докладами, не поедет больше в Бушети, не будет ухаживать за розами. С неё уже снимается «ответственность за свою розу». Больше не будет заботиться о своём Ликунни...

А всё это, и то, ради чего это свершалось, есть отражение части смысла жизни, который она искала в себе всю жизнь.

Пика, не могу забыть, как прекрасно ты рассуждала о смысле жизни перед учителями. Было это на Международных Педагогических чтениях в Москве. Ты по пунктам перечисляла, из чего состоит смысл жизни, и как он влияет на нас. Во-первых, говорила ты, смысл жизни проявляется в высоких, возвышенных целях. Во-вторых, цели эти не могут нести вред другим. В-третьих, жизненные цели постепенно возвышаются до служения чему-то важному, значимому. В-четвертых, служение без самопожертвования не мыслится. Здесь ты вспоминала, как зимой 2002 года, идя в школу, упала и сломала себе руку. «Дело в том, что до сих пор боюсь зимы, – говорила ты, – так боюсь, что даже палочку держу, чтобы опять не упасть. Спасибо, Дайнис подарил. И за полтора часа раньше я выхожу из дома, а уроки начинаются в половине девятого, потому что мне радостно придти к детям и увидеть их вот такие глаза: и ожидающие, и доброжелательные, и чего-то интересного ждущие». Далее ты продолжала перечислять пункты: в-пятых, поняв смысл жизни, мы уже не сможем свернуть с пути, ибо получается, что мы предаем себя, если мы поворачиваемся в другую сторону даже силою принуждения. В-шестых, найдя смысл своей жизни, мы освобождаемся от чего-то тягостного, как будто до этого плутали по каким-то непонятным тропинкам, усеянными колючками, и вдруг выходим на просторную, освещенную божественным светом дорогу жизни. Далее ты возвышала профессию учителя, которой всю жизнь была сама предана. И говорила с искренним пафосом: «Наша профессия – самая сложная, ибо связана с душою ребенка... Не с физическим телом, а с душою ребенка. Наша профессия – самая ответственная, ибо связана с воспитанием достойных граждан своей страны. Наша профессия – самая благородная по своей сути, ибо настоящий учитель всю свою жизнь ищет и впитывает в себя все те лучшие человеческие качества, которые он стремится воспитать в каждом своем ученике».

Зачем искусственно поддерживать земную жизнь, если она не заполнена высшим смыслом жизни!

Валерия отказывается и от уколов, которые по назначению врачей делает ей Нина. Выражает бурный протест против таблеток. А если Нина настаивает, то зовёт меня на помощь. Я её защитник от медицинского насилия. И я защищаю её.

В субботу, 6 октября, я записал в своём дневнике:

«Еле уговорил Пикку съесть кусочек бутерброда. Выпила стакан кефира. Больше ничего не захотела принять. Отказалась от обеда. Выпила только кизилковый компот и съела кусочек запеканки. Если не принудить, не хочет глотать таблетки. К пяти часам вечера почувствовала сильную рвоту, измучилась. Нина решила помочь ей сесть в постели, но ей было трудно так сидеть, умоляла уложить. Я сказал Нине прекратить эту процедуру. Сейчас семь часов. Думаю, Пика спит, а может быть, дремлет».

На следующий день я предложил ей подготовить сборник её выступлений и статей по теме «Учитель» и выпустить его к Двенадцатым Международным Педагогическим чтениям.

Она ожила.

Я нашёл на книжных полках номера журналов и сборников с её работами. Положил всё это рядом с ней на кровать, и мы начали составлять содержание будущей книги. Оно получилось прекрасное. Есть и предисловие члена-корреспондента РАО Виктора Михайловича Богуславского, мнение которого Пика очень уважает. Она довольна. Сейчас нужно сканировать эти статьи или найти их электронные варианты. Давай, обратимся за помощью к Татьяне Николаевне, она не откажет. Звоним ей. Татьяна говорит, что приложит все усилия – и отсканирует, и найдёт электронные записи. Кроме того, у неё хранятся доклады Валерии на международных научных конференциях, их также можно отредактировать и разместить в сборнике.

– Вот видишь, – говорю я Пике, – получится замечательный сборник...

Весь день мы с Пикой были заняты тем, что просматривали каждую статью, оценивали, редактировали, совершенствовали их расположение в книге. В какой-то степени мы забыли о том, что у нас происходило.

Сандрик и Мика, наши добрые и заботливые внуки, часто заглядывают в комнату.

– Цац, как дела? – говорит Сандрик весело и садится у кровати. Пике нравится обращение внука «Цац».

– Ой, ты моё солнышко, – говорит Цаца, – хорошо...

Она всегда оживает при виде внуков.

Сандрик треплет ей волосы. Рассказывает, в связи с чем ездил в командировку, как защитил интересы компании в суде. Рассказывает ещё о ремонте своей квартиры, куда он в скором времени пригласит нас всех.

Цаца улыбается.

А если говорит Мика, то обязательно с юмором.

– Пик, знаешь, что сегодня было в университете?

И рассказывает историю о своём профессоре, который третий раз читает им одну и ту же лекцию. Студенты спросили его: «Зачем эту лекцию нам в третий раз читаете?». Он не растерялся и говорит: «Повторение – мать учения», а студенты смеются. «Это для кого?» – спрашивают.

Пике становится весело, но Мике даёт наставление:

– Ты, радость моя, не дразни своих профессоров...

– А что, с тобой студенты не шутят?

У Мики очень чуткое сердце, смотрит на Пикку влажными глазами и старается развлечь её. Два года тому назад (2 апреля 2010 года) я обнаружил на своем столе его записку:

«Дед, я очень люблю Пикку и тебя, вы мне безумно дороги и занимаете огромное место в моем сердце и жизни. Сегодня я узнал, что у Артема бабушка больна раком. Я почувствовал ему, но слезы накатили на мои глаза, как только я представил, что с тобой или с Пикой что-либо случится. Я не знаю, как я смогу это пережить. Пожалуйста, никогда от меня не уходите! И простите меня, если я иногда веду себя неправильно».

Внуки – радость для Пики...

Она долго и задумчиво смотрит в окно, оно огромное, и Пика созерцает кусок московского неба, облака на небе. Иногда скажет мне:

– Смотри, какие красивые облака...

Я кладу ей голову на плечо и тоже смотрю на облака.

– Прогони этих крыс, а то они портят небо... – говорит вдруг она.

– Каких крыс? – удивляюсь я.

– Вот, что на проводах...

Да, это провода, на которых висят уличные фонари. Они протянуты между домами через улицу. Но ближе к нашему окну провода перевязаны грубо, и действительно, создаётся впечатление, что две огромные крысы с длинными хвостами гоняются друг за другом. Конечно, небо с крысами – зрелище неприятное. Я сдвигаю занавеску так, чтобы крыс не было видно.

Перед кроватью по всей стене на высоту почти пяти метров выстроены книжные полки. Они перегружены, и некоторые книги стоят на полках обложками к нам.

Так стоит недавно вышедшая книга Пики «Письменное слово – светоч души». Её взор часто останавливается на полках с книгами. Обложками к нам стоят ещё две книги.

– Убери их с полки... – говорит она.

Эти книги нам подарили. Одна из них называется «Мужчины о женщинах», а вторая – «Женщины о мужчинах». В них собраны высказывания о противоположном поле известных мыслителей и деятелей – женщин и мужчин. Дело в том, что в этих шикарных изданиях очень много высказываний, в которых мужчины унижают женщин, а женщины издеваются над мужчинами. Пике сразу не понравились эти книги, и она велит убрать их с полки. Я уношу их в другое место.

– Открой окно, проветри комнату, – просит она.

– Хорошо, но от чего проветривать? – спрашиваю я.

– От запаха готовящегося обеда.

Да, Нина на кухне готовит обед, но она включила вентилятор и открыла форточку. Никакого запаха я не чувствую. Но у Пики обостряется нюх, и она не терпит запах пищи.

Я открываю окна.

Она часто требует воды.

Я несу ей бутылочку с холодной горной водой. Держу около её рта, она своими ослабевшими руками охватывает горлышко, тянет к себе, как грудной ребёнок грудь матери, и жадно пьёт. Потом отодвигает бутылочку и проговаривает: «Какая хорошая вода...».

Перед моими глазами рисуется картина.

Мы с тобой стоим у маленького красивого деревянного домика: его построила ты, точнее, по твоему проекту и заказу смастерили сельские плотники. Домик этот – для нашей скважины. Тебе нравится вода, спешащая на волю из глубины 180 метров. Она холодная, она чистая (проверяли в двух лабораториях), она имеет ещё и лечебные свойства.

Я открываю дверцу домика.

Наполняю стакан водой. И как советует Масару Эмото, читаю молитву воде в стакане. Потом протягиваю тебе. Ты берёшь стакан и несколько секунд наблюдаешь, как там образуются маленькие пузырьки и стремятся вверх. Ты радуешься этим пузырькам, потому что ты открыла их нам.

Потом пьёшь воду, глядя на небо.

Грузины говорят: «Курица воду выпила и на Бога поглядела». Это значит, что даже курица благодарна Богу за несколько капель воды.

А ты пьёшь целый стакан благодатной воды и смотришь на небо: кто посылает нам воду – глубина земли или Небеса? Небеса, конечно, там, в Небесах, воля Бога.

Ты смотришь на небо, а я на твою открытую шею – люблю я там целовать тебя. Но сейчас нельзя.

Ты возвращаешь мне пустой стакан и произносишь ласково:

– Какая хорошая вода!

Ты будешь говорить это столько раз, сколько выпьешь стаканов воды из скважины, которую ты назвала источником жизни.

Вода заменяет ей пищу.

Я сижу рядом, кладу голову на подушку рядом с нею. Она о чём-то думает. Молчу, не мешаю. Она вдруг спрашивает:

– Где моя флешка? Не потеряй её...

На флешке у неё записаны: последняя книга, которую она не успела отредактировать в Бушети, статьи, схемы, уроки, фильмы, отзывы. Флешку она бережёт.

Я встаю, беру с полки флешку и показываю:

– Вот, Пика, она здесь, лежит на этом месте.

Она довольна.

– Береги, – говорит.

Позже я понял: она мне вручила наследство с неизданной и неоконченной книгой и презентациями ещё не проведённых уроков. Флешка хранила малюсенькую часть её необъятного духовного мира.

Пика, как только ты закрыла глаза, я вставил твою флешку в компьютер и то, что я там обнаружил, удивило меня: расширенный план новой книги, ее первый и второй варианты, огромное количество материалов, отдельные мысли, цитаты, детские работы с твоими комментариями и т.д.

Мое внимание привлекла одна страница с твоими размышлениями о совершенствовании содержания будущей книги. Ты там пишешь: «В 3-ю часть добавить осмысление философского, психологического, психолингвистического, педагогического аспектов Слова... Начать с моего подхода: 1 пишем, 8 в уме. На этом основывается профессионализм учителя».

Я люблю эту твою мудрость, Пика. На семинарах ты объясняла ее учителям так: «Если 19 умножить на 9, как будем действовать? 9 умножаем на 9, получаем 81 и говорим: 1 пишем, а 8 в уме». Для учителя это значит: на уроке ученикам дарим одно знание, но оно в нас должно быть закреплено широким пластом других знаний, и тогда наше слово станет для них убедительным».

Далее на этой же странице записано: «Добавить: каков образ учителя, несущего детям Свет Слова; любовь к профессии; показать значимость курса; требовательность учителя к себе; как облагораживать и обуздать свой язык».

Чуть ниже: «Раскрыть: отношение учителя, целостный подход к детям: в вас все заложено, вы все можете; сотрудничество; доверие к детям; понимание детей, умение стать на позицию ребенка; «вы мои учителя»...; учитель – дирижёр; отметка и оценка в руках учителя, их плюсы и минусы; критерии оценки учителя гуманного типа»...

А дальше рассказываешь о том, как пришла к тебе мысль сравнивать профессию учителя с профессией дирижёра. Ты пишешь:

«Учитель – дирижёр.

Однажды, находясь на концерте симфонической музыки и внимательно следя за дирижёром, я почему-то сравнила его с учителем на уроке: и там вокруг учителя дети, которыми он управляет, и здесь вокруг дирижёра оркестранты, которыми управляет дирижёр. Интересно, подумала я, что их объединяет и в чем разница?

Дирижёр нацелен на зал, на слушателей, его не интересуют исполнители на разных инструментах, лишь бы они в точности выполняли то, на что он указывал им на репетициях. С ними все отрепетировано, и они полностью подчинены дирижёрской палочке.

Учителя, прежде всего, интересуют исполнители, т.е. дети. На уроке всё – сплошная импровизация: настоящий учитель полностью отказывается от беспрекословного исполнения детьми его воли, чего нельзя сказать про дирижёра и оркестрантов.

Самые интересные моменты на уроке рождаются именно тогда, когда дети «ведут» за собой учителя, а он не сопротивляется, наоборот, радуется творческому взлету своих питомцев и отмахивается от намеченного плана и обязательной программы...

Во время урока учитель зажигает в детях ту искру, которая преобразует их, превращает в творцов.

В выводе – Учитель – соратник у Бога.

Учитель несет ответственность за детей перед Высшим».

Пред Пикой на стене висит икона Святого Николая Чудотворца. Пика почитает этого удивительного Святого. Хочу развлечь её, открываю в Интернете сайты о Николае Чудотворце, читаю о совершенных им чудесах и время от времени обращаюсь к ней:

– Пика, смотри, какие чудеса происходят в жизни людей от святого Николая.

И читаю:

«Стояние Зои. В 1956 году случилось то, что потрясло весь православный мир. Работница трубного завода, некая Зоя...».

Её слабый голос прерывает меня:

– Знаю эту историю, сама тебе рассказывала, забыл?

Да, верно, вспоминаю.

– А вот это: «Святой Николай помог коммунисту отыскать партийный билет...».

– Тоже знаю, – говорит Пика, – читай для себя, тебе тоже надо знать о его чудесах...

И я больше не беспокою её, она любит святого Николая и знает о нём всё!

* * *

Опять о пище.

Нас с Ниной это очень беспокоит.

Как сделать так, чтобы Пика принимала хоть глоток кефира, компота, кусочек булочки, хлеба, ложку супа, каши?

Мы не знаем, что делать.

Она тает на глазах.

Может, поможет психотерапевт?

Как-никак, такой врач знает психологию больного, надо полагать, владеет нужными словами и внушением.

Нина звонит в больницу и нам посылают «хорошего психотерапевта», молодую женщину.

Мы с Ниной отводим её в отдельную комнату и объясняем обстоятельства.

– Да, да, – говорит она и рассказывает, какой она, несмотря на её молодость, имеет богатый опыт...

Я иду к Пике и предупреждаю:

– Ты знаешь, из больницы прислали к нам врача, чтобы узнать о твоём самочувствии. Можно её пригласить?

Она не хочет никакого врача, но раз он уже пришёл, ну что же, пусть войдёт.

Психотерапевт садится у кровати и начинает врачевать. Мне, психологу, интересно, что же сейчас она скажет, что предпримет, чтобы уговорить Пикку принимать пищу. Внимательно смотрю и слушаю.

Психотерапевт улыбается, приветствует и спрашивает:

– Как ваше самочувствие?

– Хорошо, – отвечает Пика слабым, тихим голосом.

– Вас ничего не беспокоит?

– Нет, говорит Пика решительно.

– Но вы похудели, видимо, не питаетесь нормально, а надо есть. Вам же понятно, что без пищи человек долго не продержится, и лечение тоже будет безрезультатным...

Пика ничего не отвечает, на лице её безразличие.

– Давайте договоримся, – продолжает психотерапевт, – что с сегодняшнего дня будете нормально питаться, хорошо? Вы не ограничены в пище, можете есть что хотите, но есть обязательно, договорились?

На речь психотерапевта Пика не отзывается.

А психотерапевт продолжает:

– Вам надо есть три раза в день, можно и больше, суп куриный, суп овощной, можно мясные котлеты, рыбу...

Пика хмурится, она слышать не хочет слова «мясо, курица, котлеты». А психотерапевт, видимо, не умеет читать лицо больного и повторяет через каждые три-четыре слова: «Договорились?»

И не получая согласия, тем не менее заключает:

– Вот и хорошо, и вы обязательно выздоровеете...

Она завершает свой психотерапевтический сеанс. Говорит Нине сколько берёт, когда её вызывают на дом. Нина провожает её и говорит мне:

– Что это было? Это было врачевание?

Я тоже не знаю, так ли надо говорить психотерапевту с тяжелобольным. Но если так, то это недоразумение.

Возвращаясь к Пике, сажусь на свою табуретку, беру её руку, нежно глажу.

Она недоверчиво смотрит на меня и говорит:

– Зачем тебе эти глупости?

– Ты о чём, Пика?

– Почему эту женщину привели ко мне?

– Её послали из...

Но она обрывает меня:

– Хорошо, хватит...

И я умолкаю.

Но так как она за последние дни ничего не ела, нам посоветовали поставить капельницу, чтобы поддержать организм. Из больницы прислали врача.

– Опять? – возмутилась Пика, увидев врача с его инструментами.

Я еле уговорил её. Она согласилась не потому, что это необходимо, а уступила нашим просьбам.

Врач без труда нашёл вену, ввёл в неё трубочку и наладил капельницу. Это переливание могло поддержать организм дня два.

Потом, на третий день, тот же врач опять пришёл для повторения переливания.

Пика возмутилась больше прежнего.

Я вышел из комнаты, чтобы не быть свидетелем, как Нина уговаривает маму, но вскоре слышу крик Пики:

– Валикуна, где ты?

– Что случилось? – спрашиваю.

А случилось то, что хотя Нина уговорила Мурмур поставить капельницу, но врач никак не может обнаружить вену на руках. Он уколол несколько раз, и теперь предлагает ввести укол через ногу. Эти мучительные пробы, а теперь и посягательства на ноги возмутили Пикю, и она говорит мне по-грузински решительно:

– Избавьте меня от этого человека!

Стараюсь оправдать наши действия.

– Пика, – говорю я умоляюще, – ведь надо, чтобы ты окрепла, а потом...

Она прерывает меня и обличает нас с Ниной, говорит по-грузински:

– Вам не надоело это враньё?

Я онемел.

Да, она всё знает, она и раньше знала, что с ней происходит. Но так же, как мы не заговаривали о том, что может случиться, она тоже не задавала нам лишних вопросов, а даже успокаивала меня, говоря время от времени: «Всё будет хорошо, Ликуня!»

Мы все знали правду, но держали её взаперти, чтобы не спугнуть Пика, не спугнуть себя и надежду. Но сейчас она сама открыла завесу: не надо больше лгать, вам не надо больше меня обманывать, и себя не обманывайте, не зовите зря врачей...

Я увожу врача в коридор и объясняю, что капельницу ставить не будем. Он сконфужен, уверяет, что через ногу он «стопроцентно» найдёт вену. Нина в нерешительности.

– Она же ничего не ест... Переливание может поддержать...

Но я против, только спрашиваю у врача:

– Вы видите, в каком она состоянии. Как вы думаете, что может произойти?

Он задумался.

– Вы хотите знать правду?

– Да, конечно, говорите...

– Ну, дней четыре-пять... Организм больше не выдержит...

Да, чувствовал, что приближается день, но всё же отгонял это чувство. Никто не может останавливать приближение сужденного дня, но зачем знать об этом в конкретных датах? Сердце моё сжалось от боли.

Потом я спросил врача:

– Скажите, что может сделать ваша капельница?

– Ничего особенного, – сказал врач откровенно, – вы вызвали меня, я и пришёл, но, по сути, я вам уже не нужен...

Мы поблагодарили его, и он ушёл.

Нина в тот же вечер собралась сделать Пике назначенный врачами укол, но она запротестовала, закричала что было силы: «Аааа...». Тогда я отвёл Нину в сторону и сказал:

– Никаких уколов больше делать не будем, и заставлять глотать таблетки тоже не будем...

– Но надо ведь сделать всё, что от нас зависит...

– Да, надо, – сказал я ей, – от нас зависит теперь только одно: проводить её с любовью, спокойно, в ласке... Дадим ей покой, как она того хочет...

В тот же вечер я вынес из комнаты все медикаменты: растворы, лекарства, шприцы, бинты. Договорились сделать обезболивающие уколы по необходимости.

У Пики болело всё тело, потому она не могла переворачиваться с боку на бок, шевелить ногами. Она лежала неподвижно, только поднимая руки и беспомощно опуская их.

Я всё время сидел рядом, держал её руки, ласкал, целовал, давал ей выпить воды из бутылки, иногда подносил к губам ложку мороженого, и она не отказывалась от него. Говорил с ней о чём-то или сидел тихо, пока она, закрыв глаза, дремала.

Она только однажды, открыв глаза после очередной дремоты (видимо, не дремала, а думала о том, что с ней происходит) произнесла тихо и с грустью: «Ваи дедаса!»), что дословно переводится достаточно скудно, вроде: «Горе матери моей!», а смысл этого выражения совсем в другом: «Жалко, я ещё мог бы показать себя, если бы была дана мне возможность».

Да, у неё на флешке хранится незавершённая книга о чтении, вторая часть задуманной трилогии; зреет в планах третья книга, материалы для которой долго собирала. У неё разработаны новые уроки, которые не успела провести на практике. Она – лидер международного движения гуманной педагогики и одна из его основателей и вдохновителей. Она со мной вместе руководит авторским семинаром, и через эти семинары ежегодно повышают квалификацию около двух тысяч учителей. Мы с ней вместе организовываем в Бушети международные встречи. Мы развиваем нашу усадьбу, как радостный сад для проходящих к нам людей. Она вдохновляет мужа, охраняет и оберегает его. Её любят учителя... Жизнь её добрая, многогранная и устремлённая. Она сделала бы ещё многое, порадовала бы многих, но «ваи дедаса», нет возможности.

Больше она «ваи дедаса» не произносила.

Спустя некоторое время, глядя на её измученное лицо и думая, что она спит, я нежно поцеловал её в щечку. Она, не открывая глаза, произнесла слабым голосом:

– Не целуй меня больше...

– Почему, Пика?

– Ты не так целуешь...

– А как?

– Не так...

Я был уличён.

Действительно, эти мои поцелуи были другими: в них была боль, было предчувствие горя, было сожаление, утешение, нежность прощания. Я не думал об этих чувствах, но моё душевное состояние отражалось в моих поцелуях. Ими я утешал самого себя. В них были слёзы, которые я с трудом сдерживал, была любовь, силу которой я постигал именно сейчас.

Но я не мог не целовать Пика, и вовсе не думал о том, какие это поцелуи. Сердце моё, душа моя целовали её, вся моя сущность, вся моя жизнь целовала ее.

Целовал её, когда она дремала, спала или бодрствовала; целовал ручки её, которые покоились в моих ладонях. Не говорил много слов, но сердце моё не переставало объясняться ей в той любви, которую я познавал и переживал сейчас, провожая её в путь, по которому только уходят.

Сердце моё рыдало: почти полвека я думал, что люблю её, люблю сильно-сильно, но как действительно любил её в глубине души, оказывается, я ещё не знал. Знал бы, наверное, жизнь потекла бы на более высокой волне.

Когда мне показалось, что она спит, я начал шептать, сообщая ей о своём открытии.

– Пика, сколько раз я объяснялся тебе в любви...

Каждый раз мне представлялось, что

все слова уже сказаны, все чувства проявлены...

Я был искренним в своих объяснениях и думал, что

обнажаюсь перед тобой со своей любовью...

Но сейчас, Пика, в эти...

не буду унижать этих дней –

в эти священные дни,

когда ты уйдёшь из земного бытия,

а мне придётся остаться здесь ещё на некоторое время,

когда, как говорят земляне, я «теряю тебя», –

я вдруг неожиданно, в одно мгновение

понял и почувствовал то,

что было скрыто во мне все годы нашей почти полувековой жизни...

Я понял, что моя любовь к тебе совсем другая...

Она – неземная, и нет слов, чтобы сказать, какая она.

Сильная? – Да!

Чистая? – Да!

Но не в этих словах смысл моей любви к тебе...

Может быть, пригодятся слова –

она созидательная, творящая, божественная...

В общем, другая...

Постиг бы эту тайну я в себе в начале нашего совместного пути,

я был бы сегодня другим по измерениям духа...

Я только уповаю на то, что

Любовь эта поможет мне, грешному,

успеть за оставшееся мне время

хотя бы отчасти

очиститься...

А как ты?

Думаю, – вспоминая всё твоё отношение ко мне,

к людям, к вещам, к жизни, –

ты давно открыла это состояние духа в себе...

Твоя совершенная забота обо мне (да и не только)

ясно мне всё объясняет...

Нет, я не нашёптывал ей все эти слова, часть их проговаривал в сердце. И в своём воображении ласкал её от горя воображаемой утраты и от счастья неожиданного открытия.

Но Пика всегда чувствовала и понимала меня. Она читала мои мысли, хотя и не старалась их читать. Она предугадывала мои желания, она вслух говорила о том, о чём я не успевал ещё подумать. Она жила мною и во мне. И сейчас тоже, когда я, склонив голову у её постели, шепчу-размышляю о своём открытии, она слабо жмёт мою руку, – она не спит!, – открывает глаза и дарит мне необыкновенный лучезарный взгляд. И я вижу в её глазах то, что она произносит словами:

– Дзалиан миквархар, Ликунии... (Очень тебя люблю, Ликунии...).

Но суть вложила она не в сами слова, а, – Боже мой! – в какое-то небесное, тоже не имеющее названия, их звучание!

* * *

Пике трудно говорить.

Я сижу за своим письменным столом, это рядом с постелью, что-то записываю в дневник и вдруг слышу:

– Паата завтра прилетает?

Почему она подумала, что Паата может прилететь из Тбилиси завтра? На днях уже говорили, что получить визу ему не удастся: его обманывают, который раз уже сказали, что будет виза «в конце недели». Недели проходят, а визы всё нет. Паата нам звонит по восемь-десять раз в день узнать, как Валерия. Мы запретили ему приезжать нелегальным путём, и Пика сама тоже была против того, чтобы он подвергал себя такой опасности.

– Пика, – говорю я ей, – ты же знаешь, что Паате визу ещё не выдали, и он прилететь завтра не сможет.

Я сажусь рядом с ней на маленькой скамеечке.

– Опять обманываешь?

– Почему, Пика?

– Не надо мне неправду говорить. Что с Паатой?

Вот оно что!

Она думает, раз Паата до сих пор не смог приехать, значит, с ним что-то случилось.

Сколько раз я предлагал ей поговорить с Паатой по телефону или по скайпу. Она отказывалась. На этот раз я включаю айпад и по скайпу вызываю Паату. На экране возникло озабоченное лицо сына.

– Как Валерия? – спрашивает.

– Пика рядом, поговори с ней...

– Не надо... – говорит Пика.

Но я всё же держу перед ней экран. Знаю, почему ей не хочется говорить с сыном: она боится, что он увидит, в каком она положении.

– Только, к сожалению, – говорю я ей, чтобы успокоить её, – он тебя не увидит, ибо наш скайп не имеет обратной видеосвязи... Абу, – обращаюсь я к сыну, – объясни Пике, как дела с визой...

– Валерия, как ты? – спрашивает Паата?

Пика жадно смотрит на экран.

– Хорошо, солнышко...

Пика не задаёт вопросы, Паата рассказывает сам:

– Я и сегодня звонил женщине, которая занимается моей визой. Она говорит, что не только мою визу, но и другие задерживает Москва. Опять обещает, что всё разрешится на днях. Не знаю, что ещё можно сделать...

Пика слушает и смотрит на экран. Вот живой Пасико, с ним всё хорошо. Паата рассказывает о Тамусики – правнучке нашей, она уже первоклассница; рассказывает о Бушети, где после уничтожающего града природа начинает возрождаться, наша усадьба опять зеленеет, у роз завязались бутончики...

В течение дня Пике становится всё хуже и хуже. Ей трудно говорить, она закрывает глаза и погружается в мысли.

Надо позвать о. Артемия, подсказало мне сердце. Пика знает его, очень уважает, пользуется его книгами о слове, речи, его рассказами для детей. Отец Артемий – участник Международных Педагогических Чтений, где он выступал с докладом и представил учителям свой мастер-класс. Мудрость о. Артемия восхитила всех. Международное жюри присвоило ему звание Рыцаря Гуманной Педагогике и вручило золотой значок «Сердце и лебедь». Он профессор, автор многих книг. Учителя полюбили его, некоторые пошли к нему исповедоваться. Пика крещена, она искренне верующая.

О. Артемий – протоиерей, настоятель храма Всех Святых бывшего Алексеевского монастыря.

Звоню Вере Георгиевне, прошу связаться с о. Артемием.

Оказывается, он в Америке, возвращается 20 октября вечером. Это суббота. Обещает, что в воскресенье утром придет к нам.

Пика лежит с закрытыми глазами, то отзывается на моё обращение, слабо жмёт мою руку, то нет.

Я ложусь с ней рядом, приближаюсь к её ушку, беру её ручку в свои руки, нежно ласкаю и шепчу.

– Пика, ты моё вдохновение...

Она слабо жмёт мою руку. Значит, она слышит меня и отзывается на мои слова. Я продолжаю, мысли мои складываются как стая фиолетовых журавлей, движущихся длинной единицей на небосклоне:

*– Пика, знаешь,
я часто думаю о том, какую жизнь мы с тобой прожили...
Вспоминаю, как я впервые увидел тебя,
худенькую девушку,
одетую в чёрное,
скорбящую о неожиданной смерти отца...
Тогда я был ещё как молодое вино,
постоянно влюблялся то в одну, то в другую девушку
и предлагал им выйти за меня замуж...
Как я благодарен каждой, что они отказывали мне...
Теперь даже боюсь представить, как сложилась бы моя жизнь,
если бы кто-то из них принял бы моё предложение...
Я влюбился в тебя с первого взгляда...
Помнишь ту первую встречу?
(Она слабо сжимает мне руку – «Помню».)
Какое это было для меня чудесное переживание –
любовь с первого взгляда...
Дальше моя любовь к тебе только возрастала.
Я открывал в тебе женщину – и любовь росла...
Открывал талант и мудрость – и любовь росла...
Открывал в тебе веру в меня – и любовь росла...
Открывал в тебе вдохновительницу мою – и любовь опять крепла и росла...
Потом увидел, какая ты мама моих детей,
и любовь моя к тебе перешла в преклонение...
Потом мы, впрягшись в одну упряжку,
пустились в поиск нового образовательного храма
и потянули за собой сотни, а потом и тысячи учителей...
И я увидел на этом пути твои
преданность,
бесстрашие,*

готовность к самопожертвованию, —
и я влюблялся в тебя всё больше и больше...
(Она опять жмёт мою руку. Я поощрён, могу продолжать).
Мы проходили с тобой тяжёлые испытания
на верность друг другу,
на преданность делу, — она и стала нашим смыслом жизни, —
и любовь моя к тебе росла и утончалась...
Вот мы нашли, точнее, построили
свой образовательный храм,
заложили в его основу краеугольные камни
и вышли в широкий мир,
где нас встретили давно ждущие учителя,
их не двое, не трое, а тысячи...
Они приняли нас двоих как одно целое,
и мы старались оправдать их ожидания.
А за это время
любовь моя к тебе переходила в мудрость.
Любовь отодвинула от нас старость...
Кто скажет, что я старик, а ты старушка!
Сохранив молодость души,
мы сохранили молодость тела...
Приходили ко мне болезни,
и они могли увести меня за собой,
а ты своей любовью отгоняла их от меня...
Я самый счастливый человек в мире, Пика,
ты сделала меня счастливым...
Спасибо тебе, Пика, жизнь моя,
спасибо, что ты согласилась выйти за меня замуж тогда,
почти пятьдесят лет тому назад...
Скоро будет полвека, как мы вместе...
Сколько осталось до 9 марта —
всего четыре месяца и несколько дней,
и мы отпразднуем это событие...
Я преподнесу тебе бриллиантовое кольцо,
станцию для тебя грузинский танец,
который закончится тем,
что брошусь перед тобой на колени...
А дети наши, внуки наши, —
они и так восхищаются нашим чувством, —
ещё раз споют нам на полном серьёзе весёлую песенку:
«Бабушка рядышком с дедушкой
Столько лет, столько лет вместе...
Бабушка рядышком с дедушкой
Снова жених и невеста»...
Мы счастливые родители, Пика,
наши дети — Паата и Нина — радость и гордость наша,
они талантливые, заботливые.
Паата становится известным своими книгами,
создал вместе с женой детскую художественную студию «Басты-Бубу»,
которая прославила Грузию,
теперь проводит мастер-классы по дошкольному воспитанию.
В нем обаяние и духовная культура...
А Нина?

*Она увлечена ювелирным делом,
создаёт изящные изделия,
руководит маленькой фирмой вместе с мужем Андреем.
С какой любовью она бережёт нас, Пика,
и сколько в ней заботливости!
Мы в Москве живём в её доме...
У нас достойные внуки, есть и правнучки...
Все наши родные живы, здоровы,
они благородные и великодушные...
Что ещё нужно для родительского счастья, Пика?..
Скажем спасибо Господу,
что даровал Он нам такую жизнь!..*

На лице Пики – умиление, и я чувствую, как она отзывается в душе: «Да, Ликуни, мы счастливые, всё так...»

Я умолкаю.

Ее ладонями ласкаю своё лицо.

Она уходит в мысли, и я больше не тревожу её.

* * *

Утро 21 октября.

Пика не открывает глаза. Спит? Дремлет?

Звонит мобильный, это о. Артемий, он уже у подъезда.

Я открываю ему дверь. Он благословляет Нину и меня.

Мы ведём его к Валерии.

– Пика, – говорю я тихо, – посмотри, кто к нам пришёл, это о. Артемий...

Пика не открывает глаза.

О. Артемий просит оставить их одних. Мы с Ниной выходим в коридор. Спустя 20 минут он приглашает нас в комнату и говорит (голос у него ласковый, родной):

– Вот, мы поговорили. Я – словом, а она – глазами...

Глаза Пики открыты.

На лице отражается душевный покой.

– Она святую воду попила...

Нас он тоже окропляет святой водой.

Мы выходим в коридор и о. Артемий даёт нам наставления, как себя вести, какое нужно свершить таинство. «И закройте ей глаза», – закончил он.

Мы провожаем его.

Я возвращаюсь к Пике.

* * *

Она заснула. Дышит медленно, спокойно.

Но заснула ли, или находится в видениях?

Или просто из-за слабости лежит без движения с закрытыми глазами?

Я ложусь рядом.

Разглядываю её лицо.

Она сильно похудела.

Впавшие щёки, запавшие глаза.

Губы – как крылья бабочки.

Руки, которые она держит у подбородка, как распутившиеся кисти винограда.

Но её лицо озарено внутренним обаянием. Оно всегда пленяло меня – её внутреннее обаяние. В этом свечении она для меня королева красоты.

Господи, спасибо Тебе, что Ты свёл нас!
Спасибо Тебе, Господи, что одарил меня почти полувековым счастьем жизни с нею!
Спасибо, Господи, за радость познания любви к женщине!
Сколько я целовал эти щёки, нежные и пахучие, как свежие розы нашего сада!
Люблю целовать её в подбородок (ей щекотно), целовать под ушками.
Как щедро поили меня эти губы нектаром опьянения!
Где самая красивая женщина в мире, самая обаятельная и шикарная?
Вот она, лежит в постели, мирно спит или общается с ангелами после причастия и ждёт своего часа!

Спасибо, Господи, что послал мне эту женщину – Веру, Надежду и Любовь, Музу, Софию и Афродиту!

Она – моя крепость!

Она – моя честь!

Она – мои крылья!

Она – моё мужество!

Она – мечта моя и моя действительность!

Я в ней, она во мне!

Спасибо, Господи, что даёшь мне, – пусть сейчас, когда нахожусь в ожидании исполнения Твоей воли, – познать красоту, глубину, могущество, несказуемость любви!

На всё воля Твоя, Господи!

Я не молю тебя совершить чудо, пусть оно для неё совершится Там, в пространствах Твоей Вечности!

Прошу только, молю только об одном: оставь во мне огонь и дай мне сгореть, испепелиться в нём!

Плачу без слёз и без звука.

Хочется ласкать это милое, светлое, любимое лицо, целовать и целовать – нежно и страстно.

В своём воображении я и делаю это: целую и плачу, – от радости, что она у меня есть, и от горя, что у меня скоро её не будет...

Не знаю, когда я моргнул глазами, что не заметил, как у Пики в углу левого глаза, ближе к щеке, застыла слезинка.

За все эти сложные, полные переживаниями дни Пика ни разу не прослезилась, не заплакала: ни от невыносимых болей, ни от сознания безысходности. Она не могла допустить слёз, чтобы не выдать свою тайну, хотя знала, что она общая у нас, эта тайна.

Но вот слезинка!

Может быть, она читала мои мысли, а слезинка – это ответ на них?

Может быть, она...

Но не знаю, что ещё может быть.

Я смотрю на слезинку с непонятным мне чувством.

Не последует ли за ней другая, не польются ли по щеке ручейки?

Нет, других слёз не видно, только одна, единственная и неповторимая.

Я осторожно, медленно приближаюсь к лицу Пики и кончиком языка забираю эту слезинку.

Думаю, она не почувствовала.

Я сел на кровати и проверил вкус слезинки.

Солёная и горькая!

Точно знаю – слёзы не бывают такие солёные и горькие!

И мне приходит в голову только одна мысль: Пике горько расставаться с нашей жизнью, но не так горько, чтобы лить потоки слёз, а чтобы бросить одну солёную и горькую слезинку.

Одну!

* * *

22-23 октября.

Дни эти одинаковые.

Пика лежит в постели без движения.

Дышит ровно и спокойно.

На лице нет следа страданий, болей, озабоченности, переживаний.

Она без сознания?

Нет, если бы она была без сознания, лицо не излучало бы света, а оно – светится.

Она спит? Это обычный сон?

Тоже нет! Это не сон!

Я могу сказать о том, что подсказывает мне сердце: думы её заняты чем-то важным...

Она пила много воды, но теперь не просит, не может просить. Потому мы сами подносим к губам ложку с водой. Она открывает рот и медленно глотает воду. Потом перестала открывать рот. Мы приспособили бутылку с трубочкой, через которую давали пить воду. Потом Нина стала пользоваться шприцем без иглы: осторожно раздвигаем губы и вводим воду малыми дозами. Не сразу, а спустя несколько секунд, Пика глотает воду.

Мы с Ниной говорим шёпотом и жестами. Время от времени в комнату входит Мика. На глазах у него сразу наворачиваются слёзы: любимая и любящая Пика не встречает его с радостью, не говорит ему: «Ой, ты моё солнышко!»

Я прошу Нину оставить меня наедине с Пикой. Устраиваюсь у кровати на низкой скамеечке. Открываю коробочку, в которой покоится золотое кольцо с бриллиантом...

Кольцо это я приобрёл вчера.

Месяц тому назад Нина положила мне на стол пять или шесть эксклюзивных золотых колечек, изготовленных её фирмой, и попросила придумать для них названия. Но сосредоточиться над таким заданием я не смог. Колечки были изящными, с разноцветными камнями, а одно из них, показавшееся мне очень красивым и необычным, было с бриллиантом. А вчера Нина готовила изделия для сдачи в магазины.

– Ты назвала их?

– Да, а это, которое тебе понравилось, я назвала «Валерией». Сегодня отнесу в магазин...

– А эту «Валерию» кто-то купит и подарит своей жене...

– Надеюсь, – сказала Нина.

– Тогда этим кем-то буду я... Я покупаю его для моей любимой жены, у нас скоро исполнится пятьдесят лет...

– Что значит, покупаешь? Бери, я дарю...

– Нет, – сказал я решительно, – я должен купить кольцо в честь нашего юбилея...

Теперь я достаю из коробочки кольцо. Оно действительно прекрасное. Бриллиант своими гранями играет гимн любви.

Беру ручку Пики и на средний палец надеваю кольцо.

Боже, какое чудо, какое благородство!

Целую ручку с кольцом.

– Пика, – шепчу ей я, –

до пятидесятилетия нашей свадьбы

осталось четыре месяца и восемнадцать дней...

Давай, перенесём девятое марта на сегодня, 22 октября...

*Милая, я никогда не баловал тебя вещами и украшениями,
ты не богата ими...*

Все наши накопления шли на поддержку наших детей,

людей, которые очень нуждались,

на спонсирование дел, которые стали смыслом нашей жизни,

на строительство и облагораживание нашей усадьбы в Бушети.

Мы там сотворили маленький рай,

чтобы всем приходящим достались радость и умиление...

А ты свои наряды покупала,

*где попало,
только не в фирменных и дорогих магазинах,
и никогда не жаловалась...
Я люблю тебя, Пика,
люблю твои кофточки, шарфики, костюмчики...
Люблю тебя во всём, во что ты наряжаешься,
ты обаятельна в своей простоте, ты прекрасна...*

В одной моей руке покоится ладонь Пики, другой же рукой я снимаю и опять надеваю на средний палец юбилейное кольцо с бриллиантом. Слышит ли она мой голос? Видит ли её душа кольцо? Я не хочу, чтобы Пика видела мои слёзы, они предательски выдают меня.

*Я целую палец с кольцом.
– Пика, – шепчу я, –
где нам праздновать юбилей?
Ну, конечно, в Бушети...
Вот мы и приехали в Бушети...
Двор наполняется гостями...
Они пьют воду из нашей скважины, которую ты назвала Источником Жизни.
Вкусная вода, говорят...
Они удивляются нашим розам – какие они пахучие...
Говорят: «Как прекрасно видны отсюда Кавказские горы!».
Мы направляемся к нашему маленькому храму Святого Николая Чудотворца,
батюшка благословляет нас, окропляет святой водой...
Мы собираемся в твоей библиотеке...
Как много книг, говорят гости...
Потом выбираем тамаду...
Пьют за нас...
Кახетინские певцы поют грузинское многоголосное «Мравалჯამიერ»...
Потом грузинский танец,
и я, 82-летний жених, танцую и зову тебя танцевать вместе со мной...
А потом бросаюсь на колени и предлагаю своё сердце и руку...
Надеваю на средний палец правой руки бриллиантовое кольцо...
Ты навеки моя!..*

Я вхожу в раж, моё воображение становится до такой степени реальным, что сердце даже запело, запело вслух ту песню, которую я часто пою Пике, песню имеретинскую, откуда она родом:

*გოგოვ, შენი თეთრი კაბა
წყალს მიჰქონდა მდინარესა,
ოვდილა, ვორჟდილა,
დეღია-დეღა-დეღასა.
ნეტავი გამაგებინა
ვინ გაკოცა მდინარესა,
ოვდილა, ვორჟდილა,
დეღია-დეღა-დეღასა.*

Господи!

Что я делаю?!

Я же могу нарушить её покой, её общение с Миром Высшим, с ангелами небесными!

Умолкаю и опять целую ручку с юбилейным кольцом.

Праздник прошёл на славу.

И мне хочется посмотреть на нашу жизнь, как смотрю на Кавказские горы с веранды башни.

Потому шепчу:

*– Пика, Великая Пика,
прожили мы с тобой прекрасную жизнь!
И это потому, что мы с тобой нашли
смысл нашей жизни,
мы нашли для себя ответ на вопрос:
ради чего живём на Земле...
Мы с тобой, Пика, знаем, знаем верой,
откуда мы пришли,
знаем, зачем мы здесь и
куда нам направляться...
Мы с тобой делаем то, что
никто, кроме нас,
делать не будет...
В шестидесятых годах 20-го века
мы приступили к строительству жизни 50-х годов 21-го века...
Тот, кто служит образованию,
тот строитель будущего...
Мы с тобой, Пика,
служим образованию и
всем существом стараемся
умножить в нём добро,
умножить любовь и радость,
духовность и гуманность...
Вокруг нас образовалось многотысячное содружество учителей...
Пика, во скольких городах мы с тобою встречались с учителями,
проводили семинары,
создавали лаборатории и
участвовали в педагогических чтениях?
Этих городов более 150.
Почти 500 часов мы с тобой находились в перелётах...*

Моя рука опять играет: снимает и одевает на палец Пики юбилейное кольцо. Мои губы целуют её руки. Но сердце моё чувствует: душа её занята очень важным делом, ей не до моих поцелуев.

Лицо её опять спокойное...

Так я отпраздновал в тот день наш долгожданный праздник. Кольцо с бриллиантом я оставляю в ту ночь на её пальчике, пусть наслоится на нём её духовная энергия, пусть запомнит оно свою первую владелицу.

...Это уже другой день.

Пика также неподвижна.

В таких случаях обычно говорят: «Больной не пришёл в себя». Но, думаю, здесь случай другой. Что значит, «не пришёл в себя»? Пика, конечно, в себе, но душой сейчас там, где ей необходимо быть...

Я сижу рядом, смотрю на руку с юбилейным кольцом и шепчу:

– Пика, Пикуни,

помнишь, что тебе сказала моя мама в день нашей свадьбы?

Она сказала тебе:

«Вот, дочь моя, я воспитала своего сына, без отца, как смогла.

А теперь доверяю его тебе.

Воспитывай дальше...».
И ты продолжила мамино дело...
Ты воспитала во мне терпение – спасибо тебе за это...
Воспитала во мне скромность – и за это спасибо тебе...
Воспитала преданность – тысячу раз спасибо тебе за это качество...
Воспитала во мне смелость – это победная сила, спасибо, спасибо тебе...
Но любить тебя я научился сам,
заботиться о семье, о детях научился сам...
Сам же научился многому, но не всему...
Иногда нарушал нечто очень важное,
переходил границы дозволенного,
а теперь чувство раскаяния раздирает мое сердце...
Грешен я, Пика,
грешен перед тобою, а значит,
перед Богом...
Твоё всепрощение
то поощряло мою вольность,
то ввергало меня в глубокое раскаяние...
Ты называла меня «святым»,
прекрасно зная, что я не такой,
и никогда таким не стану,
но твоё великодушие чистит мою духовно-нравственную природу...
Спасибо тебе, Пика милая, любимая моя...

Звонит по скайпу Паата. Спрашивает о Валерии. Что мне ему сказать? Тело её лежит передо мной без движения уже третий день. На лице покой. Она без сознания? Нет, душа её, я уверен в этом, познаёт сейчас нечто очень важное, она готовится к Великому Переходу.

– Что тебе сказать, сынок, не знаю...

Паата долго молчит. Тоже не знает, что сказать в ответ...

Я продолжаю шептания.

Пусть Пика не слышит, что я ей сейчас говорю, но всё это, – такова моя философия, скреплённая верой, – записывается в её внутреннем мире на кристалле вечности. И Пика, душа Пики, прочтёт мои нашёптывания. А может быть, она и слышит всё?

– Пика, какие у нас хорошие планы... Мы с тобой в Бушети их уже обговорили.

Вот, смотри:

издать твою книгу о чтении;

издать мою книгу об Учителе;

провести семинар с учителями во Владивостоке, Благовещенске, Киеве, Новокузнецке, Казани, Херсоне, Хмельнице, Черкассах...

провести семинары для московских учителей;

провести семинары для родителей;

провести Двенадцатые Международные Педагогические Чтения;

участвовать в региональных и республиканских Чтениях;

организовать Вторую Международную встречу соавторов «Манифеста» в Бушети;

обустроить двор вокруг нашего храма Святого Николая Чудотворца;

посадить более триста кустов роз вокруг храма и башни...

Ты же понимаешь, Пика, мы живём там и тогда, где и когда нас не хватает.

Всюду, где нас не хватает, мы бессмертны...

Потом надолго умолкаю.

Нежно глажу по волосам, по щекам: «Как ты похудела, Пика, таешь, как снежинка на ладони, Пика... Где ты сейчас, Пика... Если...»

Кладу голову на подушку рядом с ней и нашёптываю прямо на ухо:

*– Смерти нет, Пика,
есть только полосы земной жизни,
и они готовят нас для жизни Небесной...
Смерти нет, есть только рождение, Пика,
Ты готовишься для преображения,
Для рождения в мире Вечности.
Ты светлая душа, Пика,
у тебя есть что преподнести в дар Творцу.
Один из твоих даров – это великодушие,
которое ты взращивала в себе постоянно...
Другой дар – чувство преданности и самопожертвования...
Ещё – чистые помыслы твои...
Много у тебя даров духа для Бога, Пика...
Я радуюсь за тебя...
Ты светоносная душа...
Ты, Пика...*

Но уже, оказывается, рассвело.

* * *

24 октября.

Пика светится изнутри, светится спокойствием.

Дышит медленно, глубоко.

Руки её тёплые, худые пальчики стали миниатюрными.

Эти руки, эти пальцы – они живые существа!

Я люблю каждый пальчик и благодарен каждому из них: они столько сделали для меня!

Набрали на пишущей машинке (это в прошлом веке) и на компьютере (это уже в веке двадцать первом) несколько десятков миллионов знаков моих книг!

Эти пальчики нежно удаляли из моего тела занозы, забинтовывали раны.

Они стригли мои редкие волосы, каждый раз пересчитывая их и приводя в порядок.

Они, имея мягкие ногти, чесали мне спину, разгоняя по моему телу миллион мурашек.

Эти пальцы, пусть иногда, ласкали моё лицо, проверяя, как я побрился.

Я наблюдал за ними, танцующими, как балерины, когда стояла она на трибуне со своим очередным сообщением.

Да, в каждом ее пальчике образовался свой мозг и каждый щедро проявлял свои таланты во имя блага, любви и красоты.

Сердце моё не успокаивается, требует, чтобы я взял её ручку, – я беру правую её ладонь, она ближе ко мне, на ней юбилейное кольцо, – и требует, чтобы я изливал душу свою, – и я это делаю: держу её ладонь в своих руках, как мог бы держать чашу Грааля, и шепчу:

– Пика, сердца наши переполнены чувством благодарности...

Мы с тобой благодарны всем за всё:

за улыбки, за доброе слово, за приветствие...

Твоя благодарность часто переходит в благословение.

Если кто-то,

близкий, чужой, неважно,

оказал тебе маленькую услугу,

ты благословляешь того.

Обычно от тебя мы слышим твои сердечные слова:

«Шен гаихаре», что в переводе означает: «Да будет тебе радость!»,

а истинный смысл этих слов – «Да благословит тебя Господь!»

Ты пришла из университета усталая,
в ногах тяжесть, ложишься на диван.
Я знаю, что сейчас тебе нужно:
не спрашивая, готовлю чашечку кофе,
на блюдце кладу шоколадные конфеты и
подаю всё тебе на подносе...
Ты лежишь с закрытыми глазами,
а я делаю это бесшумно.
Открываешь глаза,
улыбаешься и говоришь от всего сердца:
«Шен гаихаре!».
Не скрою, я ждду этих слов, от них мне становится хорошо.
Мне не надо, чтобы ты благодарила, не для этого я стараюсь,
но что делать, хочу услышать
это божественное магическое звучание в твоих устах двух слов:
«Шен гаихаре!».
Для меня это то же самое, что полив цветов во время засухи...
Пика, сколько нас окружает добрых людей,
которые доставляют нам радость,
помогают, способствуют...
Начнём с самых близких и родных.
Вот Паата, наш первенец, любимец, талантливый, трудолюбивый и заботливый.
У него прекрасная, любящая жена Тамрико, тоже талантливая.
Она стала нашей дочерью.
А Нинца, наша первая внучка!
Она уже замужем за обаятельным и устремлённым молодым человеком Геги.
Они подарили нам правнучку Тамуси...
Давай, Пика, скажем Паате и всей его семье твои волшебные слова:
«Тквен гаихарет!».
Слова эти будут нашей признательностью Господу за то, что
наша жизнь так творчески вплетена в их жизнь,
хотя мы с тобой, Пика, живём в Москве, они же – в Тбилиси...
А теперь наша дочь Нина.
Забота Нины о нас не знает границ.
Сама увлечена ювелирным делом и
часто одаривает нас изделиями своей фирмы...
Пика, любимая, не обижайся на Нину,
что она делала тебе уколы, заставляла глотать таблетки...
Она до последней минуты не хочет расставаться с надеждой...
Теперь она всего этого не делает, но всё же надеется...
Она подарила нам двоих внуков –
Александра и Михаила.
Они – благородные молодые люди,
радуют нас, любят нас, продвигаются в жизни...
Нина недавно вышла замуж второй раз –
за доброго и великодушного Андрея.
Они тоже заслужили твои волшебные слова благословения.
Скажи им, Пика:
«Тквен гаихарет, швилебо!»...
А моя сестра, ставшая сестрой и для тебя – Натела.
Муж её – Жора – стал для нас братом...
От дочери Маки и её мужа, которого тоже зовут Паата,
пошли Мариам и Анна,

*они наши внучки.
Обе замужем:
Мариам – за Ираклия, Анна – за Сосо,
и появились правнуки: Анна, Мариам и Отари.
Так мы с тобой, Пика, соприкоснулись с нашим третьим поколением...
Твои волшебные слова, Пика, обязательно принесут им счастье.
Пусть они услышат от тебя: «Тквен гаухарет!»
Тина и Гиви, эти милые люди –
мой племянник с женой,
стали хранителями нашей усадьбы.
Они ухаживают за всем хозяйством,
держат дом в порядке, строят, что нужно.
Мы гордимся розами, виноградниками,
мягкими газонами, бассейном, подземной водой...
Гости, приезжающие к нам из разных городов и стран,
уносят с собой и их имена – Гиви и Тина.
И так почти двадцать лет.
У них дети, внуки, невестки.
Пусть Гиви с Тиной тоже услышат от тебя:
«Тквен гаухарет!».
А сколько близких людей у нас в России, Москве,
в Украине, Латвии, Литве, Эстонии, Казахстане, Кыргызстане, Белоруссии.
Мы с ними вместе творим новое педагогическое пространство.
Подарим им тоже, Пика,
этим преданным, творческим, устремлённым людям
твои победоносные слова:
«Тквен гаухарет!»...
Пика, любимая, твоё лицо светлеет...
Ты своим светом благословляешь нас всех?
Спасибо тебе, Пика!..*

Я закрываю глаза и погружаюсь в мысли. Передо мной плывут картины из нашей многогранной жизни. Думаю, что заснул, и эти видения перетекли в сновидения.
Какая-то сила будит меня.
Открываю глаза.
Смотрю на Пику.
Меня охватывает тревога: дыхание её становится быстрее и глубже.
У меня нет нужного опыта для таких случаев, но чувствую, сердце говорит мне ясно:
«Проводи её достойно!»
Собираю в себе всю свою волю, беру себя в руки.
Входит Нина.
– Нина, сохраним полное спокойствие... – и чтобы хотя бы отчасти отвлечь ее внимание от происходящего, говорю, – Нина, нам придётся нарядить Пику, пожалуйста, отбери одежду...
Нина опешила, поняла, что близится час.
Начала подбирать одежду.
Я не отрываю глаз от Пики.
Дыхание её всё более убыстряется.
Лицо становится вполне сознательным. Она знает, что с ней сейчас должно произойти.
И вдруг вижу: она открывает глаза!
Уже четыре дня она лежала без движения, с закрытыми глазами.
А теперь открывает глаза.
– Нина, – восклицаю я, наверное, с радостью, – Пика глаза открыла!
В комнату вбегает Мика.

– Пика пришла в себя?

– Пика, Пика... – говорю тихо, думаю, что она услышит меня.

Но нет!

Она открыла глаза и смотрит в сторону окна, на угол потолка.

– Мика, стой перед глазами Пики, чтобы она тебя увидела...

Но Мику она не видит...

Смотрит сквозь него, не моргая глазами, без движения зрачков.

Смотрит не в пустоту, а на Кого-то!

Он, на Кого она смотрит, находится здесь, перед её глазами.

Она смотрит на Него не в ужасе, а с доверием.

Это видно, это написано на её лице!

«Проводи Пику!», – повторяет сердце.

Дыхание становится ещё более быстрым и глубоким.

Она напрягается и дышит так, как Он наставляет.

Она борется со своим телом,

старается оторваться от тела,

делает невероятные усилия, чтобы порвать цепь!

Она хочет, она старается, она спешит,

лицо её, дыхание её весьма убедительно говорят об этом!

Глаза пристально смотрят в тот же угол, и мне ясно: оттуда идёт помощь, там Светлая Сущность, которой она следует.

«Помоги тоже!», – приказывает сердце, и само начинает подсказывать, что говорить и что делать.

Я беру ладонь Пики и шепчу ей по-грузински:

– Пика, любимая,

устремись к Богу...

Думай о Боге, Пика, думай о Христе...

Бог любит тебя, Пика, потому зовёт...

Стремись к Свету, к Свету, Пика...

Лучше ослепнуть от света, находясь в Свете,

чем быть зрячим во тьме, Пика...

Радуйся, Пика, ты познаешь бессмертие,

познаешь Вечность и Беспредельность...

Познаешь Царство Небесное...

Радуйся Богу, Христу радуйся...

Помолимся, Пика...

Отче наш, суший на небесах!

Да святится имя Твое.

Да приидет Царство Твое,

да будет воля Твоя и на земле, как на небе...

Слава тебе, Господи!..

Люблю Тебя, Господи!..

Спаси душу чада Твоего Лелы, Валерии, Пики...

Прими её, Господи, в небесном Царствии Твоём...

Дыхание нарастает, лицо напрягается!

На лице – бесстрашие!

Мне хочется быть там, где она сейчас, видеть Того, от Кого она не отводит взгляд. Хочется так же, как держу в своих руках её ладонь, рука об руку, вместе с ней взлететь в тот же Великий и Бесконечный Мир, куда она с таким рвением устремляется.

– Пика, –

*продолжаю шептать и верю, что душа её, чем бы она сейчас не занималась,
слышит мои слова, и они ей нужны, –
Пика, земля тебе не оковы,
любовь твоя к нам и наша любовь к тебе не цепи,
а крылья для взлёта...
Не оглядывайся,
устремись к Богу,
к Христу,
к Свету...
Отдай Богу всю твою любовь, Пика!..*

Я шепчу всё это в ритме её всё убыстряющегося и напрягающегося дыхания.
В словах моих – вся моя сущность.
В них нет сострадания, жалости к ней.
Есть только одно: проводить её достойно, как приказывает сердце.

*– Пика, ввысь...
Ввысь к Богу, к Христу, к Свету...*

И вдруг я чувствую,
как в моих руках трепещущая от напряжения ладонь Пики
сникла,
дыхание разом прекратилось,
всё тело затихло...
Первое, что я делаю, закрываю Пике глаза.
Нина рядом. Она рыдает без звука.
Я не успеваю дать волю чувствам,
как спустя семь-десять секунд
Пика опять открывает глаза и смотрит туда же,
делает ещё несколько быстрых и глубоких вдохов и затихает...
Что это было?
Бывает ли такое?
Всё, она победила!
Следы победы остались на лице...
На часах 15.30...

* * *

Нина тихо рыдает.
Я пока держусь мужественно.
Я потрясён тем, свидетелем чего стал.
Что же сейчас нужно?
Надо нарядить оставшееся тело.
Где будем предавать тело земле?
В Бушети, конечно.
Когда полетим в Тбилиси?
Завтра уже не успеем, значит, послезавтра...
Приходит Андрей. В глазах слёзы.
Он самый знающий и деловой среди нас.
Надо немедленно сообщить в поликлинику, говорит он, надо оформить справку, иначе как
в Тбилиси полетим?
Звонит в поликлинику и спустя десять минут приходит врач. Потом сразу приходят
конкуренты из похоронных бюро (и как только узнали!).

Приходит молодой лейтенант полиции.

Наше внимание переключается на обсуждение деловых сторон.

Лейтенант заполняет акт.

Врач заполняет свою официальную бумагу.

Андрей договаривается с представителем похоронного бюро, и они вместе куда-то уходят.

Вскоре Андрей возвращается со справкой о смерти.

И я узнаю, что служители из похоронного бюро должны немедленно забрать тело. Запрещено оставлять тело дома, таков закон большого города, говорят они и ссылаются на постановления.

Меня уже не спрашивают, не уговаривают, а делают своё дело.

Завтра в 16 часов можно назначить гражданскую панихиду, говорит представитель, а послезавтра утром можете лететь в Тбилиси; гроб, говорит он, мы сами погрузим в самолёт.

Андрей тут же заказывает билеты через интернет.

Я оглушён не тем, что Пики у меня уже нет (я не успеваю об этом ещё задуматься), а бесчеловечными, безнравственными законами Москвы. Законы неуважительно относятся к чувствам людей, потерявших близкого человека, они безразличны к самому ушедшему. Законы без сожаления и понимания...

Собранная воля пока ещё помогает мне сдерживать чувства и слёзы. Не надо, чтобы меня успокаивали...

На другой день в зале панихиды собралось огромное количество людей – весть распространилась сразу... Гроб покрыли цветами... Говорили много прекрасных и добрых слов, говорили искренно, с любовью...

После панихиды Сандрик повёл нас в ресторан. Мы говорили о Валерии, Лере, Пике, Цаце, Мурмур, Леле...

А на другой день вечером мы уже были в Бушети.

Гроб с телом Валерии установили в ее библиотеке, где позавчера в своём воображении я с Пикой праздновал 50-летие нашей свадьбы.

На другой день прошла гражданская панихида.

О. Матата всю ночь вёл бдение и исполнял православный церковный обряд.

Наша семья получила письмо соблезнования от Католикоса – патриарха всей Грузии Ильи II.

А 28 октября тело Валерии предали земле у стены нашего маленького храма, который Валерия назвала именем Святого Николая Чудотворца...

После поминок все разошлись и разъехались.

Я поднялся в свой кабинет в башне.

Было уже темно.

Сел за свой рабочий стол, собираясь что-то записать, и выглянул в окно.

Сразу я не осознал, на чём остановился мой взгляд.

Там, где обычно при дневном свете я созерцал наш маленький храм и любовался им, мерцал огонёк. Он был совсем маленьким, но не таким, чтобы спутать его со светлячками. Это же горит свеча, привезённая Марианной из Риги!

Свеча не погасла!

Под её тусклым светом я различаю холмик. Не вижу, но знаю: холмик покрыт цветами.

Бегу к холмику, к храму, к свече.

Наклоняюсь и беру с холмика горсть сырой земли, как доказательство того, что происходившее на этом месте несколько часов тому назад есть правда.

И только сейчас доходит до меня, что с этого дня в упряжке я остаюсь один...

* * *

Сон в Бушети.

3-го ноября, ближе к рассвету.

Большой город, скорее всего, Москва.

Пика куда-то повела меня. Я её не вижу, но знаю, что она рядом.

Оказались на маленькой площади, откуда в разные стороны уходят улицы. В центре площади – круглый бар.

Место для меня незнакомое.

Пика велит мне подождать здесь, сама уходит, не говоря куда.

Жду. Идёт время, но она не возвращается.

Я волнуюсь – где она?

Решаю вернуться домой.

Вокруг меня много узких улиц. По какой из них нужно идти, чтобы найти какую-нибудь станцию метро? Не знаю.

Иду по одной из них, напрасно. Выбираю другую улицу, опять напрасно. Спрашиваю у прохожих, но они молчат.

Так я стою на площади, не зная, куда идти...

С этим проснулся...

Москва-Бушети (Грузия)

31.12.2012

29884

P.S. В дни Международных Педагогических Чтений в Москве я обнаружил в кармане записочку:

«18.03.2013... Она рядом и не торопит. Несмотря на тягость и тоску, он, как мужчина, должен порадоваться за неё, попытаться проникнуться и воодушевиться её новым видением всего того, что окружает. Ей легко, хорошо, вся её забота – о нём! Она сейчас добровольно вступила на новое служение. Он пока здесь нужен. Она подождёт. Она Защитник и охранитель гуманной педагогики. Она – очень сильный дух, её главная духовная суть – защитник и охранитель мира и согласия во всем, чего бы ни коснулась мысль. Она помогала и продолжает помогать».

«P.S. Бог даровал мне приобщить Святых Христовых Тайн и напутствовать в жизнь вечную верную подругу Шалвы Александровича, его замечательную супругу рабу Божию Валерию, сподобившуюся истинно христианской праведной кончины в 2012 году. Кроткая, любящая и любимая, она с удивительным мужеством встретила неизлечимую болезнь и, никого не отяготив, отошла в мир иной со светлой улыбкой всепрощения...

Уповаем, что её ходатайством пред Учителем всех учителей и наставников Бог дарует сродникам преставившейся рабы Божией Валерии подлинное христианское просвещение».

Протоиерей Артемий Владимиров. Учительство. Изд. Артось. Москва, 2014, ст.223